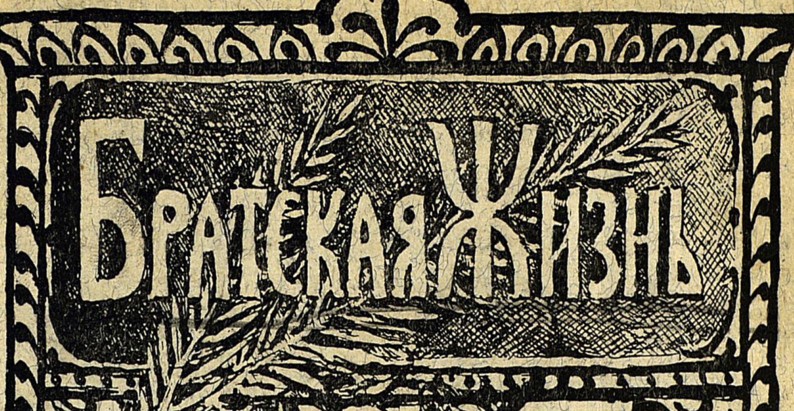

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

О ВОЗРОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Вып. I

Призывъ

Цѣна выпуска 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.
1910.

БРАТСКАЯ ЖИЗНЬ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

О ВОЗРОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Выпускъ I. **ПРИЗЫВЪ.**

Отъ редакціи.

31-го января 1910 г.

Когда порой стихіи, какъ бы разгнѣванныя и возмущенныя чѣмъ-то, вступаютъ въ бой и даютъ намъ зрѣлище бури, грозы или урагана, мы видимъ, какъ все живое какъ будто цѣпенѣетъ отъ ужаса, замираетъ и прячется. Но жизнь природы остановиться не можетъ; это только временное оцѣпенѣніе; и только что стихнутъ бурные порывы вѣтра, устанетъ дождь бичевать землю, замолкнутъ послѣдніе раскаты грома, а изъ за тучъ проглянетъ солнце — надъ землей уже подымается и перекидываетъ свою блестящую дугу разноцвѣтная радуга, призывая все прозябающее и все живущее къ новой преображенной грозою жизни. Во всѣхъ уголкахъ природы тогда жизнь закипаетъ съ новой силой; но уже то не жизнь борьбы, разрушенія и гнѣва, которая только что миновала, а жизнь мирная, созидающая и радостная.

Очевидно, жизнь должна возмѣстить свою временную остановку; должна исправить внесенныя бурей разрушенія, а въ очищенномъ грозою воздухѣ, увлаж-

ликія дѣла часто начинаются съ малаго. И изъ маленькаго зернышка можетъ вырасти такое дерево, что птицы небесныя будутъ находить въ немъ прохладу. Такія соображенія даютъ надежду на то, что возможно положить начало намѣченной этой замѣткой дѣятельности даже нѣсколькими выпусками сборника „Братская жизнь“.

Сборникъ „Братская жизнь“ намѣренъ дать читателямъ: рядъ статей по вопросамъ текущей жизни; статьи руководящія построеніемъ жизни на началахъ христіанской любви и братства, съ приложеніемъ уставовъ существующихъ и возникающихъ союзовъ и братствъ; вести въ особыхъ очеркахъ лѣтопись-хронику братской жизни, гдѣ бы она не проявлялась; знакомить съ величайшими мыслями философовъ и мудрецовъ всѣхъ вѣковъ, давать очерки, разсказы и стихотворенія и, наконецъ, вести отдѣлъ почты, объединяющій читателей съ редакціей сборника.

Къ участію въ этомъ дѣлѣ уже привлечено много новыхъ силъ.

А. П. Аксаковъ.

* * *

Когда на нивѣ пахарь сѣетъ,
Онъ съ вѣрой думаетъ: „взойдетъ
Мой пышно всходъ, и рожь доспѣетъ,
И плодъ мнѣ добрый принесетъ“.
    Но дождь и солнце — въ волѣ неба,
    На нихъ безсильна власть, людей;
    И нѣтъ безъ благодати, хлѣба,
    Все выжжетъ лютый суховей.
Грозой ли, градомъ гнѣвъ небесный
Надежду пахаря смететъ,
Иль всходъ по осени — чудесный
Водами вешними зальетъ.
    Любви и правды сѣять сѣмя,
    Его ростить въ людскихъ сердцахъ,
    Пошли-жъ, пошли намъ Боже время,
    Дождя при солнечныхъ лучахъ.
Чтобы сѣмянъ младые всходы
Не выжегъ лютый суховей,
Не смыли бурь житейскихъ воды,
И спѣла-бъ жатва для людей.

П. П. Квашнина-Самарина.

* * *

Идите къ Свѣту въ дверь спасенья!
Немолчный голосъ вопіетъ: —
Я путь, я свѣтъ, я жизнь творенья!
Открыта дверь! — готовъ оплотъ!
Тобою презрѣнъ, — храмъ сіяетъ,
Дверь неба ждетъ — крестомъ горитъ,
Здѣсь Агнецъ землю осѣняетъ,
На стражѣ херувимъ паритъ.
Въ рукѣ не мечъ, — но вѣтвь оливы,
Здѣсь Царь закланный мертвыхъ ждетъ,
Здѣсь Животворецъ — станутъ живы,
Кто въ храмъ Воскресшаго взойдетъ.
Здѣсь хлѣбъ небесъ, — здѣсь выше неба,
Здѣсь духовъ Богъ, — здѣсь Бога плоть, —
Здѣсь тайны даръ, подъ сѣнью хлѣба,
Здѣсь милость міра, самъ Господь!..
Здѣсь Матерь Свѣта, честь созданья,
Небесныхъ воинствъ славный ликъ,
Здѣсь обновленье, душъ воззванье,
Здѣсь жизнь, любовь — здѣсь Богъ великъ!
Идите жъ къ Свѣту въ дверь спасенья!
Покайтесь люди! — ночь идетъ!
Сегодня милость примиренья...
Заутра — мракъ безвѣстный ждетъ!

П. П. Квашнина-Самарина.

Звѣзды мыслей.

Человѣкъ растетъ по мѣрѣ того, какъ растутъ его цѣли.

Шиллеръ.

Каждый человѣческій поступокъ тѣмъ почетнѣе, лучше и великолѣпнѣе, чѣмъ больше онъ дѣлается въ виду будущаго. Это прозрѣніе въ даль, это тихое и довѣрчивое терпѣніе, помимо всякихъ другихъ свойствъ, выдѣляютъ человѣка изъ толпы, приближая его къ Богу; и къ каждому дѣлу, къ каждому искусству приложимо это мѣрило для опредѣленія величія.

Джонъ Рескинъ.

Творятъ жизнь—люди вѣры. Это тѣ, которые называются мечтателями, утопистами, юродивыми,—они же пророки, истинно лучшіе люди и вожди человѣчества.

В. С. Соловьевъ (Три рѣчи).

ПРИЗЫВЪ.

Жизнь каждаго организма требуетъ условій среды, соотвѣтствующихъ его строенію, его потребностямъ. Такъ учитъ насъ біологія. Когда мы наблюдаемъ жизнь отдѣльныхъ организмовъ, мы видимъ, что при гармоническомъ развитіи въ доступной организму средѣ необходимыхъ условій, жизнь его проявляетъ мощь, красоту формъ, или радость бытія; при отсутствіи какого либо изъ этихъ условій, или неравномѣрномъ ихъ распредѣленіи въ средѣ, развитіе жизни пріостанавливается, она получаетъ характеръ болѣзненный; сила, красота и радость оставляютъ ее, а мѣсто ихъ занимаетъ безсиліе, уродство, страданіе и омертвѣніе.

Развитіе человѣческихъ обществъ сходно во многомъ съ развитіемъ живыхъ организмовъ; только, вмѣсто клѣточекъ, способныхъ лишь приспособляться къ средѣ или работать надъ ней въ установленномъ ихъ структурой и свойствами направленіи, человѣческія общества состоятъ изъ людей, т. е. изъ существъ разумныхъ, свободныхъ и одаренныхъ сознательной творческой энергіей, способныхъ не только приспособляться, но и могущественно воздѣйствовать на среду, перерабатывая ее и подчиняя своимъ потреб-

ностямъ, и что еще болѣе важно, способныхъ трудиться надъ собственнымъ самосовершенствованіемъ.

Здоровая жизнь человѣческихъ обществъ поэтому требуетъ не только равномѣрнаго развитія всѣхъ элементовъ культуры въ сферѣ внѣшней—въ средѣ, но также и въ сферѣ психическихъ свойствъ отдѣльныхъ личностей, ихъ составляющихъ. При гармоническомъ сочетаніи элементовъ культуры въ этихъ двухъ сферахъ, жизнь человѣческихъ обществъ въ своемъ развитіи проявляетъ признаки цѣльности и планомѣрности, творческой силы, красоты и общаго довольства; при слабомъ же развитіи, или же устраненіи какого либо элемента, она чахнетъ и идетъ къ распаду, при чемъ, какъ эта слабость, такъ и этотъ распадъ отражаются во всѣхъ областяхъ жизни: въ наукѣ, въ литературѣ, въ нравахъ, въ искусствѣ, въ гражданственности и даже на экономической предпріимчивости.

Свидѣтелями такого распада общественной жизни нашей родины являемся мы въ настоящее время. Окружающая насъ жизнь мрачна, безрадостна и безблагодатна. Мы присутствуемъ какъ-бы при разрушеніи, а не при ростѣ организма общества; присутствуемъ при страданіяхъ всѣхъ его важнѣйшихъ органовъ, при воспалительномъ процессѣ огромныхъ группъ его клѣточекъ и при явномъ паденіи творческихъ началъ во всѣхъ областяхъ созидающей жизни.

Отдѣльные люди вокругъ насъ тоже страдаютъ безсиліемъ, полны озлобленія и недовольства, а порой и отчаянія; массы же народныя приходятъ постепенно къ явному одичанію. Всѣ, начиная отъ научно-развитого интеллигента и кончая, такъ называемымъ, сознательнымъ рабочимъ, тяготятся жизнію и, думая что клянутъ: одни, самодержавное правительство и полицейскій и бюрократическій режимъ, другіе же

капитализмъ — въ сущности, клянутъ прежде всего, крайне опостылѣвшую имъ жизнь. Цѣнность ея — этой жизни, до того упала, что изо дня въ день цѣлыя массы нашихъ согражданъ добровольно прекращаютъ свое существованіе, путемъ насильственной смерти.

Распадъ жизни проявляется всюду. Въ научной области ряды истинныхъ ученыхъ пустѣютъ; мѣста унесенныхъ смертью славныхъ тружениковъ науки не занимаютъ новыя крупныя силы; кафедры пустуютъ; появляющіеся въ печати труды профессіоналовъ знанія даютъ по преимуществу слабыя, тенденціозныя и мало оригинальныя произведенія; учащаяся молодежь, или бастуетъ, или работаетъ лишь въ рамкахъ экзаменаціонныхъ требованій, не отдаваясь съ увлеченіемъ наукѣ, какъ это бывало ранѣе. Въ довершеніе всего, умы значительнаго числа, какъ учащихъ, такъ и учащихся, охвачены болѣзненными идеями философа отчаянія Шопенгауера или ученіемъ сверхъморали Ницше.

Въ литературѣ великія имена, или перешли уже въ область прошлаго, или доживаютъ послѣдніе годы, а новыя, болѣе молодыя силы даютъ по преимуществу вымученные, болѣзненные образы, схваченные изъ какихъ то задворковъ и отбросовъ современной жизни, и притомъ, въ произведеніяхъ, написанныхъ языкомъ, дѣлающимъ языкъ Пушкина, Гоголя, Тургенева и Толстого — неузнаваемымъ.

Въ искусствѣ, въ области живописи появилась и высоко держитъ голову какая то невѣроятная мазня, не признающая ни формъ, ни линій, какой то винегретъ красокъ, якобы передающій настроенія художника; въ области ваянія паденія ознаменовало себя особенно ярко пародіей на императора Александра III въ созданіи Трубецкого, поставленной на видной площади Петербурга, и ужаснымъ, безформеннымъ

призракомъ Гоголя, сооруженномъ великому писателю въ Москвѣ. Наконецъ, въ области экономической жизни мы видимъ упадокъ старыхъ промышленныхъ предпріятій, сокращеніе числа рабочихъ и слабость новой промышленной инціативы, а между тѣмъ народъ, разлюбившій трудъ вообще и земледѣльческій въ особенности, стремится въ города и промышленные центры, надѣясь получить высшую плату и болѣе легкій трудъ. Но тамъ ожидаютъ его большею частью только облегченные пути къ развращенію: голодъ, холодъ и, въ концѣ концовъ, часто этапная высылка на родину. Такова мрачная дѣйствительность.

Къ такому состоянію пришла жизнь русскаго общества за послѣдніе шесть десятилѣтій. А между тѣмъ, за этотъ періодъ времени мы должны отмѣтить въ экономической области широкое примѣненіе новыхъ техническихъ открытій и, потому, огромный ростъ матеріальной культуры, должны отмѣтить болѣе широкое, хотя и недостаточное, конечно, распространеніе научныхъ знаній въ населеніи и, наконецъ — великія завоеванія, сдѣланныя въ области свободъ, какъ въ эпоху реформъ Александра II, такъ и за послѣдніе годы.

Явилась возможность воспользоваться новыми правами для построенія жизни на новыхъ началахъ. Казалось бы слѣдовало ожидать подъема творческой энергіи и общаго довольства, но ничего подобнаго не получилось. И внѣшнія реформы и большая политическая свобода не оказались той панацеей отъ всѣхъ бѣдъ, какими ихъ считали. И вотъ зловѣщіе признаки разочарованія и отчаянія проявились съ особой силой именно тогда, когда были достигнуты важнѣйшіе успѣхи въ этихъ областяхъ.

Уже давно среди наиболѣе прогрессивныхъ пред-

ставителей мыслящаго общества сознавалась потребность въ большей свободѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ жизни и въ болѣе прочномъ установленіи правовыхъ нормъ; но на ряду съ этими стремленіями сознавалась и необходимость нравственнаго подъема и внесенія широкаго свѣта знанія; сознавались недостатки самого общества и его отдѣльныхъ представителей.

Но въ горячкѣ недавно минувшаго освободительнаго движенія, ясность пониманія дѣйствительнаго соотношенія факторовъ жизни утерялась и всѣ отрицательныя явленія русской жизни, къ какой бы сферѣ они не принадлежали: къ частной, общественной или государственной—стали сваливать исключительно на недостатки нашего государственнаго строя и на бюрократію, которая, какъ символъ этого строя, являлась „козлищемъ отпущенія" за всѣ бѣды, за всѣ несчастія, переживаемыя нашимъ отечествомъ, и за всѣ скверные поступки отдѣльныхъ лицъ. Раскрывалось ли гдѣ вопіющее насиліе надъ личностью, постановляла ли несправедливый приговоръ судебная власть, гибли ли интересы народа, благодаря бездѣятельности лицъ, которымъ они ввѣрены, подвергались ли расхищенію общественныя и благотворительныя суммы, творился ли дикій грабежъ казеннаго имущества, погибалъ ли нашъ флотъ, бастовали ли учащіеся, разносили ли рабочіе кормящую ихъ фабрику, образовывались ли залежи хлѣба на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ и т. д. — вездѣ и всегда была виновата бюрократія и виноватъ режимъ и, притомъ, только бюрократія и режимъ, стѣсняющіе развитіе жизни, а часть грѣха, принадлежащая безспорно самому обществу, происходившая отъ нравственной распущенности самихъ дѣятелей, умышленно оставлялась незамѣченной. Въ

пользу общаго движенія, направленнаго къ уничтоженію стѣснительной бюрократической опеки, принято было сваливать на послѣднюю все, даже съ явнымъ уклоненіемъ отъ правды. Все это было тогда естественно. Горячка борьбы извиняла нѣкоторыя уклоненія отъ истины и не допускала возможности безпристрастнаго отношенія къ явленіямъ, и, тѣмъ болѣе, не допускала видѣть недостатки самого общества и его нравственныхъ устоевъ. Да и времени и силъ не было для такой объективной работы мысли; все было направлено исключительно на борьбу за улучшеніе общихъ условій, на пріобрѣтеніе большей политической свободы. Напрасно маститый нашъ писатель, гр. Левъ Толстой призывалъ общество къ самоусовершенствованію и указывалъ на то, что только нравственное совершенствованіе личности, а не измѣненіе внѣшнихъ условій могутъ создать истинный прогрессъ въ жизни русскаго народа. Голосъ этотъ остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Говорить о самоусовершенствованіи обществу, находящемуся въ трансѣ исканія новыхъ высшихъ условій существованія—было несвоевременно. Искреннія и неискреннія увлеченія призракомъ свободы совершенно заслонили собой всякія другія благія задачи.

Но теперь, когда многое, о чемъ мечтало большинство мыслящаго общества, въ значительной степени достигнуто, когда наступило относительное затишье и стала возможна производительная работа новыхъ законодательныхъ учрежденій, общество же, тѣмъ не менѣе, очутилось передъ зрѣлищемъ распада народной жизни, передъ общей деморализаціей и неимовѣрнымъ развитіемъ преступности—казалось бы, призывъ къ работѣ надъ внутреннимъ духовнымъ развитіемъ могъ бы быть услышанъ. Однако и теперь раздаются многочисленные и страстные голоса, кото-

рые мѣшаютъ работѣ объективной мысли, направленной къ уясненію главнѣйшихъ причинъ паденія жизни. Но это уже не однѣ нападки на бюрократію, а слышатся обвиненія и часто довольно справедливыя, и противъ самихъ „освободителей“. Пропаганда революціонныхъ и имморальныхъ идей борьбы, по мнѣнію новыхъ обвинителей, одна лишь виновна въ паденіи народныхъ нравовъ и во всѣхъ другихъ язвахъ современной жизни.

Всѣ эти обвиненія, исходившія отъ дѣятелей временъ освободительной борьбы, видѣвшихъ источникъ всѣхъ бѣдъ въ ненавистномъ строѣ, а также и современныя нападки правыхъ, обвиняющихъ во всемъ „освободителей“ односторонни, пристрастны и, главнымъ образомъ, поверхностны.

Важнѣйшія причины нестроенія русской общественной жизни лежатъ гораздо глубже и ихъ надо искать въ самомъ направленіи, въ самой конструкціи общественной культуры; въ ней же, въ средѣ, питающей жизнь общества, очевидно, образовались основные недочеты, которые, несмотря на перечисленные выше успѣхи въ области знаній, техники и политической свободы, дѣлаютъ здоровое развитіе жизни все-же невозможнымъ.

Всѣ элементы культуры, составляющіе среду, въ которой развиваются человѣческія общества, создаются и растутъ при участіи преемственнаго труда поколѣній. Русская культура заложила свои основы много вѣковъ тому назадъ на могучихъ корняхъ христіанской православной вѣры, и, хотя медленно, но прочно вносила христіанскія начала въ народный бытъ, общественную жизнь и государственныя формы. Ростъ русской культуры былъ медленный, такъ какъ его часто прерывали чисто внѣшнія причины: то трехсотлѣтнее иго татарское, то междоусобіе кня-

зей, то смуты народныя. Отставъ отъ западныхъ народовъ въ своемъ развитіи, по указаннымъ причинамъ, русскимъ людямъ пришлось часто заимствовать съ запада новыя готовыя идеи, а равно и бытовыя и государственныя формы, что, естественно, приводило къ извѣстной неустойчивости. Тѣмъ не менѣе, главныя основы культуры оставались неизмѣнно прочными и потому — хотя развитіе русской общественной жизни и сопровождалось многими отступленіями и многими отрицательными явленіями— связь ея съ корнями религіозной вѣры не прерывалась.

Такъ было до начала шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія. Съ этого же времени руководители общественной мысли, въ лицѣ значительной группы интеллигенціи, поставили своей задачей, сдвинуть русскую жизнь съ вѣковыхъ ея корней—и вотъ постепенно дѣло развитія культуры было направлено ими на безусловно ложный путь. Перестроивъ свое міросозерцаніе на устояхъ ученій, схваченныхъ на лету съ запада, и постепенно переходя отъ матеріализма 60-хъ годовъ къ позитивизму, а отъ позитивизма къ Фейербаховскому гуманизму, позднѣе къ экономическому матеріализму и, наконецъ, за послѣдніе годы къ критицизму — они всегда проявляли одинаковое богоборчество и отрицательное отношеніе ко всѣмъ идеальнымъ факторамъ жизни и выдвигали на первый планъ значеніе высшихъ политическихъ формъ и матеріальныхъ благъ. Такъ эти руководители научили общество пренебреженію къ самымъ дорогимъ вѣчнымъ цѣнностямъ, каковы: религія, христіанская любовь и вѣчные идеалы добра, правды и красоты, а равно, повидимому, признали совершенно безполезной или, вѣрнѣе, невозможной всякую работу надъ совершенствованіемъ личности.

На мѣсто вѣры, этой живой связи человѣка съ единымъ вѣчно-сущимъ творцемъ, и совершенной волей, направляющей міръ ко благу, поставили они научныя знанія, которыя при всемъ ихъ безспорномъ значеніи, все же относительны и не полны и, потому, основой культуры служить не могутъ. При томъ же въ широкіе круги интеллигенціи и въ такъ называмые, сознательные слои народа внесены были не живыя знанія, преемственно вырабатываемыя наукой, никогда не теряющіе своей связи съ вѣчной истиной, а лишь полузнанія, схваченныя съ налета и далеко непровѣренныя. Такъ, преемственно вносились въ жизнь такія гипотезы и якобы научно-обоснованныя ученія, и выдавались за послѣднее слово науки, за святая-святыхъ научныхъ знаній, которыя впослѣдствіи тою-же наукой, на основаніи послѣдующихъ открытій и точныхъ изслѣдованій—опровергались и признавались невѣрными. Благо свободы — это дѣйствительно великое благо для каждаго духовно развитого человѣка,—было выдвинуто, какъ манящій и дразнящій символъ, какъ право каждаго, безъ связи съ ростомъ нравственной культуры въ широкихъ кругахъ населенія. Забыто было, что свобода, какъ отсутствіе внѣшнихъ препятствій въ проявленіи человѣкомъ свойственныхъ ему способностей и присущихъ ему силъ, направленныхъ къ достиженію жизненныхъ задачъ—необходима безспорно для каждаго духовносильнаго человѣка, идущаго къ сознанной цѣли, но сама по себѣ никого не можетъ сдѣлать духовносильнымъ и не можетъ пробудить сознаніе истинной цѣли бытія. Такое сознаніе, такая сила доступна лишь тѣмъ, кто отдаетъ волю свою въ руку единаго начала, Бога - Вседержителя и, потому, дѣлающагося дѣйствительно свободнымъ отъ страстей, темноты и заблужденій. Такое же состояніе получается только

упорной работой истинно-вѣрующаго въ области духа.

Подъ вліяніемъ такого направленія, привитого народной мысли, произошелъ какъ бы сдвигъ всей русской жизни въ сторону грубыхъ потребностей и чисто эгоистическихъ вожделѣній, ищущихъ удовлетворенія только въ матеріальныхъ благахъ и чувственныхъ наслажденіяхъ. Преобладающее, почти исключительное значеніе получили поэтому требованія внѣшнихъ правъ и стремленіе лишь къ захвату существующихъ цѣнностей и къ новому ихъ распредѣленію.

Совершенно забывалось о необходимости созидательной работы въ области не только духовной, но даже и матеріальной культуры, т. е. забывалось о необходимости увеличенія тѣхъ же матеріальныхъ цѣнностей. А въ то же время, для достиженія новаго распредѣленія уже существующихъ благъ, всѣ средства были признаны возможными—до убійства, грабежа, клеветы и неправды включительно. Мѣсто великаго созидающаго начала любви было отдано началу борьбы безъ милосердія, съ насиліемъ сплоченныхъ массъ и вообще сильнѣйшаго надъ слабымъ. И вотъ мѣсто мира — этого великаго и необходимаго блага — занялъ терроръ.

Забыто было о томъ, что неиспользованныя богатства русской земли ждутъ только примѣненія труда и знаній, чтобы дать людямъ новыя, и неимѣющія владѣльцевъ, неисчерпаемыя цѣнности; забыто было, что народныя массы ждутъ знаній, необходимыхъ, чтобы сдѣлать ихъ трудъ болѣе производительнымъ, ждутъ ясныхъ понятій о правѣ, чтобы не оставаться слѣпыми и безпомощными среди кипящей жизни; ждутъ крѣпкихъ, основанныхъ на примѣрѣ болѣе развитыхъ и выше стоящихъ людей, нормъ честности,

ясныхъ понятій о справедливости и о долгѣ, чтобы сдѣлаться гражданами достойными свободы.

Такъ подрѣзаны были самые корни русской культуры, отняты у нея живительные соки, которыми она питалась вѣками. Была сдѣлана попытка вытравить изъ жизни величайшія начала всякой цивилизаціи, подмѣнить ихъ формулами новѣйшихъ матеріалистическихъ ученій. И вотъ, послѣдствіями этой противуестественной операціи является тотъ полный распадъ, къ которому пришла русская жизнь.

Ужасъ долженъ охватить всякаго вдумчиваго человѣка, являющагося свидѣтелемъ такого крушенія жизни. Каждый искренно любящій свою родину невольно долженъ придти къ сознанію, что нельзя продолжать безнаказанно сѣять въ народныя массы сѣмена безвѣрія и вносить духъ классовой борьбы и зависти; нельзя далѣе воспитывать подростающія поколѣнія на ядовитыхъ началахъ, которыя проникли въ школу за послѣднія десятилѣтія и, наконецъ, нельзя всѣ силы интеллигенціи далѣе направлять и затрачивать исключительно на борьбу съ „режимомъ" и на выработку реформъ внѣшняго строя жизни.

Признавая вполнѣ великое значеніе хорошихъ законовъ, какъ одного изъ условій прогресса народной жизни, слѣдуетъ помнить, однако, что на ряду съ ними, столь же необходимо строительство добра и сохраненіе одного изъ главнѣйшихъ условій народнаго благоденствія—мира общественнаго. Поэтому въ бурный потокъ страстей, волнующихъ русскую жизнь, необходимо, и при томъ возможно скорѣе, направить, могучую струю проповѣди любви и вѣчныхъ идеаловъ добра, правды и красоты. Безъ этихъ началъ духовной культуры жизнь русскаго народа, и теперь на половину языческая, скоро станетъ звѣриной.

Всѣмъ людямъ доброй воли слѣдуетъ поэтому опознать другъ друга по всему обширному пространству нашей родины; слѣдуетъ объединиться и всѣми силами содѣйствовать возврату жизни къ этимъ вѣчнымъ нананачаламъ. Сборникъ — „Братская жизнь“, который открывается настоящей статьей, надѣется содѣйствовать такому объединенію всѣхъ сочувствующихъ намѣченнымъ задачамъ и проситъ людей добра, у которыхъ горитъ еще сердце жаждой помочь страдающей родинѣ — откликнуться на его призывъ и оказать свое содѣйствіе этому дѣлу, распространеніемъ его основныхъ идей среди отдѣльныхъ общественныхъ группъ и экономическихъ организацій, а равно и среди одинокихъ дѣятелей на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни, а также содѣйствовать личнымъ участіемъ, присылая письма и сообщая о мѣстныхъ переживаніяхъ и нуждахъ; о зачаткахъ и ростѣ христіанской братской жизни, отдѣльныхъ проявленіяхъ великодушія и ростѣ духовной силы, и тѣмъ принести свою посильную лепту въ дѣло возрожденія жизни нашей родины. Принимая на себя такую трудную задачу, всѣ люди доброй воли, которыхъ мы признаемъ и съ которыми мы желаемъ объединиться, могутъ надѣяться, конечно, не на свои только силы, но на силу самаго добра и руководство Промысла Божія, въ руку котораго должны отдать свою волю всѣ принимающіе на себя это служеніе. Предпринимаемый трудъ долженъ быть прочно обоснованъ на завѣтахъ Господа Нашего Іисуса Христа, по ученію православной апостольской церкви, но къ общему дѣлу могутъ быть призываемы и лица другихъ христіанскихъ исповѣданій, такъ какъ совмѣстный трудъ въ дѣлѣ построенія добра—вѣрнѣйшій путь, по нашему мнѣнію, и къ религіозному единенію. Истина сама по себѣ сила, поэтому и православіе для тор-

жества своего въ русской жизни не нуждается во внѣшней поддержкѣ и защитѣ.

Такимъ образомъ, укрѣпленіе исконной вѣры народной совмѣстимо со свободой другихъ вѣроисповѣданій; стѣсненія же и какія-либо насилія по отношенію къ нимъ были бы лишь нарушеніемъ завѣта любви, главнѣйшей основы христіанской жизни вообще. Для роста и укрѣпленія православія необходимо лишь свободное его развитіе на началахъ соборности и та свобода, которой уже пользуются инославныя церкви. При такихъ условіяхъ мы вѣримъ, что православіе возгорится съ новою силой, привлечетъ многихъ отпавшихъ и инославныхъ въ свое лоно и всегда останется господствующимъ вѣроисповѣданіемъ нашей родины. Оставаясь вѣрными завѣтамъ Христа, мы не можемъ тоже безъ глубокаго возмущенія оставаться свидѣтелями ежедневныхъ убійствъ, производящихся врагами мирной жизни и порядка, а равно и сочувствовать смертнымъ приговорамъ, какъ средству политической борьбы; но при нашихъ мирныхъ стремленіяхъ и оставаясь внѣ партій, мы никогда не будемъ дѣлать политическаго оружія изъ нашихъ взглядовъ, а лишь ступени идейнаго и мирнаго развитія дѣла добра.

Таковы взгляды, полагаемые въ основу будущей дѣятельности сборника „Братская жизнь“ Надѣясь на успѣхъ работы только объединенныхъ силъ всѣхъ, въ комъ еще не заглохло сердце, въ комъ еще не погасла искра животворнаго духа, мы шлемъ настоящій братскій призывъ къ совмѣстному труду нашимъ читателямъ во всѣ концы нашей родины, призывая ихъ объединиться съ нами въ дружной работѣ.

Мы призываемъ всѣхъ къ сознанію великой ошибки, сдѣланной значительной частью интеллигенціи за послѣднее шестидесятилѣтіе, выразившейся въ от-

клоненіи русской жизни отъ великихъ устоевъ вѣры Христовой, призываемъ къ сознанію болѣе давней ошибки общества, которое считаясь по внѣшности, по названію обществомъ христіанъ, т. е. послѣдователей Христа, Бога любви, забывало высочайшіе завѣты христіанскаго откровенія — завѣты любви къ ближнимъ при свѣтѣ любви къ Богу, всѣмъ сердцемъ и всѣмъ разумѣніемъ и строило жизнь на своекорыстіи, ненависти и насиліи. Мы призываемъ поэтому всѣхъ приступить къ созидающей работѣ братской жизни — къ искреннему покаянію.

Только такимъ путемъ нравственнаго очищенія можемъ мы вернуть въ нашу дѣятельность, тѣ благодатныя силы, безъ которыхъ она не можетъ имѣть жизненнаго значенія. Мы призываемъ къ внесенію въ дѣло воспитанія дѣтей и юношей тѣхъ же благодатныхъ началъ вѣры и любви и къ пріученію ихъ къ твердому и неуклонному исполненію Воли Божіей. Призываемъ всѣхъ людей доброй воли къ объединенію въ союзы, въ цѣляхъ самосовершенствованія, построенія совмѣстной жизни на началахъ любви и экономической взаимопомощи въ формахъ трудовыхъ братствъ и артелей, т. е. кооперативныхъ союзовъ на религіозно-нравственныхъ началахъ, а равно союзовъ воспитателей, учащихся, земскихъ дѣятелей и т. д., организующихся на тѣхъ же началахъ. Призываемъ къ работѣ по возрожденію приходской жизни церкви православной на началахъ соборности и, наконецъ, призываемъ къ дѣятельности по разумной и цѣлесообразной организаціи труда, развивающагося на мирныхъ началахъ, призываемъ къ открытію новыхъ областей для его примѣненія и къ заботамъ о повышеніи производительности во всѣхъ промышленныхъ и хозяйственныхъ отрасляхъ народнаго труда.

Думается, что, приступивъ искренно и съ любовью къ дѣлу, мы скоро убѣдимся, что жизнь не такъ мрачна, какъ она намъ кажется въ настоящее время, что человѣческая природа въ сущности заключаетъ въ себѣ болѣе наклонностей къ добру, чѣмъ къ злу, что жестокость, злоба, зависть скорѣе привитыя, чѣмъ естественныя ея свойства, что по естественной склонности люди вообще, а въ особенности русскіе люди, въ большинствѣ великодушны, наклонны съ состраданію, къ симпатіи, часто способны на подвигъ, на щедрую жертву и на трудную идейную работу, однимъ словомъ, увидимъ въ нихъ опять скрытый образъ Божій и убѣдимся, что никакія бури и ненастья не могли уничтожить благородныхъ задатковъ, вложенныхъ въ нихъ Творцемъ.

Мнѣ хочется въ заключеніе разсказать читателямъ притчу, иллюстрирующую многія положенія этой статьи. Эта притча была вложена талантливымъ писателемъ прошлаго столѣтія Эдвардомъ Беллами въ его книгѣ „Будущій вѣкъ“ въ уста воображаемаго проповѣдника XX-го вѣка. Проповѣдникъ этотъ сравнивалъ человѣчество стараго вѣка съ розовымъ кустомъ, посаженнымъ на болотѣ и поливаемымъ черной, гнилой водой; днемъ, говоритъ онъ, „розовый кустъ дышалъ туманами, пропитанными міазмами, ночью, его студила холодная ядовитая роса. Безчисленныя поколѣнія садовниковъ прилагали всѣ свои старанія, чтобы кустъ зацвѣлъ, но усилія ихъ оставались безуспѣшными—развѣ изрѣдка появится какой-нибудь нерасцвѣтшій бутонъ, съ червемъ въ средцевинѣ. Многіе утверждали, что это вовсе и не розовый кустъ, а вредное растеніе, годное лишь на то, чтобы его вырвать и сжечь, садовники же большею частью находили, что кустъ принадлежитъ къ семейству розъ, но что въ немъ есть какой-то неизлѣчимый порокъ,

не позволяющій бутонамъ распускаться и вообще дѣлающій его хилымъ. Лишь немногіе увѣряли, что самъ-то кустъ хорошъ, а вся бѣда въ болотѣ, и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ растеніе могло бы поправиться. Но эти лица не были спеціалистами садовниками и послѣдніе осуждали ихъ какъ теоретиковъ и мечтателей; точно также, смотря на нихъ, говорилъ народъ. Нѣкоторые же моралисты и философы, допускавшіе даже, что кустъ могъ бы расти лучше на другомъ мѣстѣ, находили однако, что гораздо больше чести для бутоновъ, если имъ удастся расцвѣсти на болотѣ. Правда, распустится весьма мало бутоновъ, они будутъ блѣдными и безъ аромата, но за то ихъ нравственное усиліе будетъ выше, нежели въ томъ случаѣ, еслибъ они расцвѣли легко и пышно въ саду“.

„Заправскіе садовники и философы-моралисты одерживали верхъ. Розовый кустъ продолжалъ сидѣть въ болотѣ и старый способъ ухода за нимъ продолжался попрежнему. Безпрестанно корни поливались новыми смѣсями и укрѣпительными снадобьями, чтобы уничтожить червей и плесень, каждый рекомендовалъ свое средство, какъ самое лучшее и дѣйствительное. Продолжалось это очень долго. По временамъ кто-нибудь увѣрялъ, будто замѣчается легкое улучшеніе въ общемъ видѣ куста: другіе же возражали, что, напротивъ, его видъ еще хуже, чѣмъ прежде. Въ общемъ въ немъ не происходило никакой замѣтной перемѣны. Наконецъ, послѣ долгаго періода сомнѣній и неизвѣстности, опять возбудили вопросъ о пересадкѣ куста и на этотъ разъ онъ былъ встрѣченъ сочувственно. Попробуемъ, таковъ былъ общій голосъ. Авось, онъ лучше привьется въ другомъ мѣстѣ, а здѣсь сомнительно — стоитъ ли долѣе ухаживать за нимъ“.

„Такъ и случилось, что розовый кустъ человѣчества былъ пересажанъ въ хорошую теплую сухую землю, гдѣ солнце обливало его своими лучами, гдѣ надъ нимъ сіяли звѣзды, гдѣ южный вѣтеръ ласкалъ его“

„Тогда то и оказалось, что это дѣйствительно ровный кустъ. Черви погибли, плесень исчезла, кустъ покрылся прекрасными алыми розами, благоуханіе которыхъ наполнило міръ“. Такъ кончилъ свою притчу проповѣдникъ.

И насъ, такъ называемые люди опыта, заправскіе садовники назовутъ, конечно, мечтателями и теоретиками, а можетъ быть и хуже. И намъ будутъ говорить, что розовый кустъ нашего отечества—кустъ больной и окончательно испорченный, что народъ нашъ до корня развращенъ, что при такихъ условіяхъ жизнь народная можетъ идти только по уклону внизъ, что всѣ средства уже испробованы и не стоитъ болѣе ухаживать за больнымъ кустомъ; наконецъ, скажутъ намъ, что сами мы всѣ люди средніе, что истинно-сильныхъ между нами нѣтъ и что мы лучше бы сдѣлали, если бы, продолжая держаться правила — „моя хата съ краю“, — стали заботиться каждый о своихъ маленькихъ дѣлишкахъ, поступать же иначе — дѣло безумцевъ.

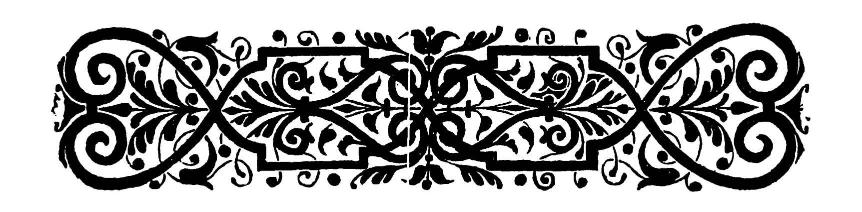
Другіе радѣтели-философы разрушенія будутъ говорить намъ, что безумно мечтать о возрожденіи жизни путемъ мирной работы, что пусть все погибаетъ и разрушается и при томъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и что только на развалинахъ старой жизни можетъ зацвѣсти новая лучшая. Однако, доказательствъ основательности такихъ надеждъ не будутъ въ состояніи указать намъ.

Нѣтъ, не будемъ вѣрить ни заправскимъ садовникамъ, ни философамъ разрушенія, они не истинные люди опыта и не истинные философы, а одни—

люди отжившіе, наполовину омертвѣлые, разорвавшіе связь съ благодатными силами, чуждые животворящей любви, другіе же—больные, озлобленные люди, потерявшіе сами сознаніе великой цѣли бытія. Не будемъ же слушать совѣтчиковъ. Мы сами еще живы, въ насъ горитъ любовь къ народу, отечеству, къ Богу и ближнимъ и мы вѣримъ, намъ можетъ быть дана по вѣрѣ нашей благодатная помощь. Примемтесь же дружно за мирную работу, будемъ неустанно разрыхлять, осушать и очищать отъ бурьяна и сора почву, на которой разросся розовый кустъ нашего отечества, и будемъ вѣрить, что кустъ этотъ постепенно пышно зацвѣтетъ прекрасными розами, благоуханіе которыхъ убѣдитъ всѣхъ, что трудъ нашъ не пропалъ даромъ.

Александръ Аксаковъ.

Что дѣлать?

Съ упадкомъ церковно-приходской жизни на Руси пропала церковная благотворительность, а также погасло церковное просвѣщеніе. Послѣдствіемъ такого исчезновенія христіанскихъ началъ въ современномъ общественномъ строѣ является колоссальное развитіе нищенства въ городахъ и деревняхъ и связанный съ нимъ неимовѣрный ростъ звѣрскихъ преступленій и чудовищное увеличеніе всякаго рода пороковъ, изъ которыхъ дѣтская проституція поражаетъ своимъ ужасомъ воображеніе каждаго человѣка.

Такъ дальше жить нельзя, да такъ больше жить и не стоитъ. Христіанство должно возродиться и какъ догма, и какъ канонъ, дающій правильное направленіе человѣческой культурной жизни. Иначе— насъ ожидаетъ полное торжество соціализма, которое, при прогрессивномъ развитіи безбожія, поведетъ къ анархіи, т. е. къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ.

Надо возстановить христіанскую дисциплину по приходамъ и дать этимъ естественнымъ и первичнымъ церковнымъ единицамъ возможность нравственно самоусовершенствоваться и посвящать свои силы на повсемѣстное распространеніе христіанской благотворительности и христіанскаго просвѣщенія.

При нынѣшнемъ вяломъ и безжизненномъ церковно-общественномъ строѣ самое понятіе о церковномъ имуществѣ весьмо существенно измѣнилось. Когда въ канонахъ (напримѣръ, 25 Антіох.) говорится о церковномъ имуществѣ, то при этомъ разумѣется не только то, что идетъ на храмъ, но и то, что составляетъ „достояніе нищихъ", что предназначено на дѣла христіанскаго благотворенія. Гдѣ у насъ этотъ родъ церковнаго имущества? Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ въ общемъ собраніи предсоборнаго присутствія 14 декабря 1906 года архіепископомъ Финляндскимъ Сергіемъ, который, отвѣчая на него отрицательно, указалъ на то, что самое предположеніе объ отдачѣ нищимъ пожертвованнаго на храмъ является въ настоящее время „страннымъ". Такъ существенно измѣнилось и сузилось наше представленіе о церковномъ имуществѣ, которое, однако, въ нашей древней церкви разсматривалось, какъ „богатство нищихъ". Такимъ образомъ, у насъ атрофировалась цѣлая сторона церковно-хозяйственной жизни. Пропала церковная благотворительность. Теперь ее замѣняетъ благотворительность государственная, гражданская, организующаяся помимо церкви и не всегда въ согласіи съ ея интересами.

Обратимъ хотя бы вниманіе на городскую свѣтскую благотворительность г. Петербурга, гдѣ недавно образовались городскія попечительства для оказанія помощи бѣдному люду нашей столицы. По отзывамъ безпристрастныхъ наблюдателей это дѣло обстоитъ плохо. Несмотря на старанія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ попечительствъ, въ общемъ—городская благотворительность не клеится. Не замѣтно, не чувствуется сколько-нибудь энергичнаго темпа работы въ центральномъ органѣ, и болѣзненное малокровіе сказывается въ досадно-вялой дѣятельности по ока-

занію помощи бѣднымъ. Самая суть участковаго попечительства, — сравнительная незначительность района, — утерялась, вслѣдствіе чего обслѣдованіе обездоленныхъ и наблюденіе за ними крайне затруднены. И обыватели, глядя на апатію руководителей, не пошевелятъ рукой, остаются въ сторонѣ, не принимаютъ почти никакого активнаго участія въ этомъ святомъ дѣлѣ. Вмѣсто десятковъ тысячъ членовъ, попечительства насчитываютъ пока жалкія сотни. Всѣ благотворительныя учрежденія жалуются на оскудѣніе притока пожертвованій. Куда-то исчезла „доброхотная копѣйка, не слышно и о завѣщательныхъ отказахъ для устройства дѣтскихъ пріютовъ, на поминъ души. Стали заѣдать не то скептицизмъ, не то разсчетливая дѣловитость. Даже общество защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія—вчитайтесь въ это содрагающее душу названіе—и оно страдаетъ отъ малаго притока не только матеріальныхъ средствъ, но и живыхъ силъ. Недавно правленіе этого общества обращалось съ циркулярнымъ приглашеніемъ къ лицамъ міра педагогическаго. И что же? На шестьсотъ писемъ получено всего два удовлетворительныхъ отвѣта! Недостаетъ ни денегъ на содержаніе необходимаго пріюта для беззащитныхъ несчастныхъ существъ, недостаетъ и работниковъ-попечителей. Дѣтскій стонъ, дѣтскіе вопли о помощи замираютъ и не находятъ отзвука въ окружающей, холодной общественной средѣ [1]).

Причины неуспѣха всякой благотворительности, созидаемой на свѣтской почвѣ весьма понятны. Показная, шумная благотворительность (общественная, и даже государственная), требующая между прочимъ

---

[1]) См. „Новое Время“, маленькій фельетонъ: „Къ Рождеству Христову“ въ № отъ 15 декабря 1909 г.

для своего успѣха театральныхъ зрѣлищъ, музыкальныхъ и танцовальныхъ вечеровъ, разныхъ базаровъ, не создавая никакой внутренней, нравственной связи между „дающимъ“ и „получающимъ“, мало кого изъ людей христіанскаго образа мыслей и чувствъ можетъ въ сущности удовлетворить. Каждый христіанинъ въ тайникѣ души своей сознаетъ, что одними деньгами, бросаемыми безъ связи съ получающими ихъ въ помощь, нельзя откупиться отъ величайшей обязанности, возложенной Господомъ на человѣка: „нести бремена и тяготы другъ друга, — что отъ вступающихъ въ дѣйствительное братское общеніе съ меньшой неимущей и нуждающейся во всемъ братіей, потребна вся его душа, все его сердце, — что они должны служить и помогать всѣмъ, чѣмъ могутъ: опытный — опытностью, ученый — знаніемъ, искусный—искусствомъ, сильный—силою, достаточный—достаткомъ. Только при такомъ душевномъ и сердечномъ общеніи, направленномъ къ высокимъ цѣлямъ служенія людямъ, требующимъ помощи и попеченія, это „бремя и иго“ дѣйствительно становятся для всѣхъ легкими и удобоносимыми, потому что единственно этимъ способомъ пріобрѣтается высшее благо на землѣ: „покой души“, т. е. такое равновѣсіе всѣхъ силъ душевныхъ, при которомъ и возможно безконечное духовное творчество и совершенство, какъ личное, такъ и общественное, а также возможно для людей слабыхъ, обездоленныхъ и неимущихъ переносить безъ озлобленія всѣ личныя житейскія невзгоды, бѣды и страданія.

Какъ извѣстно, такое строгое пониманіе обязанностей людей имущихъ, сильныхъ и одаренныхъ высшими способностями и возложеніе на нихъ особой высокой миссіи, заключающейся въ помощи бѣднымъ и слабымъ, а въ особенности вдовамъ и си-

рымъ дѣтямъ, подъ страхомъ за неисполненіе этой миссіи гнѣва Божія — является весьма характерной чертой первобытнаго христіанства.

Напомнимъ только о существованіи извѣстныхъ мѣстъ во II (ст. 44—47) и IV (ст. 32—35) главахъ Дѣяній Апостольскихъ касательно этого предмета и укажемъ здѣсь на одну формулу поразительную по своей нравственной силѣ, относящейся къ христіанскому служенію бѣднымъ. Эта формула сохранилась у Оригена и по мнѣнію ученыхъ она быть можетъ находилась въ утраченномъ нынѣ сочиненіи „Керигма" (проповѣдь) апостола Петра и составляла такимъ образомъ часть ученія этого первоверховнаго апостола.

Въ сочиненіи Оригена „Hom. X in Leviticum" (изд. Migne Patr. gr. т. XII, колон. 528) находится нижеслѣдующее апостольское изреченіе, которое, какъ говоритъ Оригенъ, онъ нашелъ въ книгѣ названной отъ апостоловъ: „блаженъ тотъ, кто постится еще съ тою цѣлью, чтобы напитать бѣднаго". Эта высокая въ нравственномъ отношеніи формула объ „одухотворенномъ" постѣ въ пользу ближняго проходитъ красною нитью въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ христіанскихъ письменныхъ памятниковъ древняго времени, какъ, напримѣръ, въ „Пастырѣ" Ермы (Подобія, V, 3 и др.) въ Апологіи Аристида, (гл. 15), въ Дидахэ (I, 3), въ сочиненіи Тертулліана (О постѣ, 13), въ постановленіяхъ апостольскихъ (V, 20) и др.

Это чисто христіанское воззрѣніе на матеріальныя блага, какъ на полученныя человѣкомъ, какъ даръ Божій „задаромъ" изъ общаго сокровища природы, предоставленнаго Богомъ-Творцомъ всѣмъ людямъ безъ исключенія на пользованіе, а потому и обязывающія ихъ обладателя къ „добровольному" удѣленію своего избытка на нужды бѣдныхъ и слабыхъ,—нашло себѣ

блестящее выраженіе въ сочиненіи церковнаго писателя половины VI вѣка Леонтія Византійскаго. Онъ въ одномъ мѣстѣ пишетъ, ссылаясь на доктрину апостола Петра: „богатъ тотъ, который многимъ сострадаетъ и въ подражаніе Господу даетъ изъ того, что имѣетъ. Ибо Богъ далъ *все всѣмъ* изъ сотворенныхъ имъ матеріальныхъ благъ. Такъ замѣтьте же себѣ вы, богатые, что вы должны нести служебныя тяготы, ибо вы больше получили, чѣмъ вамъ нужно. Усвойте то, что другой ощущаетъ недостатокъ въ въ томъ, что вы имѣете въ излишкѣ. Стыдитесь удерживать чужое добро. Подражайте Божеской справедливости и тогда никто уже не будетъ бѣденъ".

Для христіанина нѣтъ никакого сомнѣнія, что „истинная" и достигающая своей цѣли благотворительность можетъ осуществляться лишь въ христіанскомъ духѣ и формѣ и что она всего успѣшнѣе можетъ развиваться на *приходской, братской почвѣ*. При водвореніи приходской благотворительности на свойственное ей мѣсто, а именно при стремленіи перенести ее на родную ей церковную почву, съ возстановленіемъ древне-русскаго церковнаго начала, что „церковное богатство есть нищихъ богатство", надо также вспомнить, что по замѣчанію опытныхъ филантроповъ, истинная и достойная сожалѣнія и помощи бѣдность, всегда „стыдливая" и скрывающаяся, можетъ распознаваться всего надежнѣе и скорѣе именно на этой церковной почвѣ, когда бѣднякъ знаетъ и увѣренъ, что къ нему въ дверь стучится добрая рука и по добрымъ христіанскимъ побужденіямъ. Къ тому-же слѣдуетъ добавить, что церковно-приходская благотворительность требуетъ „активнаго" участія всѣхъ христіанъ въ приходѣ, а это-то „участіе всѣхъ" и составляетъ ту школу нравственности, которую можетъ дать только христіанскій приходъ.

Такое стремленіе къ перенесенію всей современной благотворительности на церковно приходскую почву не явилось-бы какимъ-либо новшествомъ для нашего православнаго общества.

Изъ древней исторіи нашихъ славныхъ западно-русскихъ церковныхъ братствъ, куда нерѣдко вступали въ число братчиковъ почти всѣ чины какого-либо православнаго прихода, видно, что эти братства представляли изъ себя именно „живые христіанскіе союзы“, въ которыхъ всѣ его члены были связаны клятвеннымъ обѣщаніемъ, даннымъ въ храмѣ предъ священникомъ, о соблюденіи вѣрности „святому“ братству и о подчиненіи всѣмъ его правиламъ и повинностямъ.

Въ виду нахожденія членовъ братства (мужчинъ и женщинъ) въ постоянномъ общеніи другъ съ другомъ для совершеніи добрыхъ дѣлъ, въ братскихъ уставахъ говорилось объ обязанности братчиковъ не допускать до нищеты своего собрата и помогать ему изъ личныхъ и общихъ братскихъ средствъ, а болящихъ навѣщать и если-бы они оказались безъ призора, то нанять особаго человѣка для ухода за ними. Наконецъ, расходы по погребенію бѣдныхъ братчиковъ, а равно и всѣхъ бездомныхъ и безродныхъ, братство принимало на себя, устраивая, похоронныя процессіи и провожая съ возженными братскими свѣчами въ полномъ составѣ тѣло умершихъ до могилы.

Все что, было хорошаго и благочиннаго въ строѣ христіанской приходской и братской жизни въ древности, все это можетъ и должно быть возстановлено дружными совмѣстными усиліями и теперь. Къ этому побуждаютъ насъ не только грозныя событія послѣдняго времени, замѣчаемыя въ расшатанной общественной и семейной нашей жизни, но и соотвѣтствующіе

этому возстановленію законы и правила, какъ, напримѣръ, законы о братствахъ, и церковно-приходскихъ попечительствахъ 1864 года, а также и извѣстное опредѣленіе св. Синода отъ 18 ноября 1905 года относительно повсемѣстнаго возстановленія приходской жизни въ Россіи.

Что-же и какъ надо дѣлать?

При нынѣшнихъ условіяхъ омертвѣлаго церковно-приходскаго быта намъ сдается, что возрожденіе и оживленіе прихода и его благотворительной дѣятельности можетъ начаться съ закрѣпленія братолюбивыхъ связей приходскаго священника хотя-бы съ небольшой группой истинно преданныхъ Церкви прихожанъ, которые несомнѣнно существуютъ въ каждомъ приходѣ и извѣстны священнику. Эта связь явится *живымъ ядромъ* въ приходѣ, и этотъ первоначальный кружокъ самымъ своимъ существованіемъ и совершеніемъ добрыхъ и полезныхъ дѣлъ постепенно *притянетъ* къ себѣ силою вѣры и любви другихъ прихожанъ, и такимъ естественнымъ путемъ мало-помалу *окрѣпнетъ* вся церковная община (приходъ), или-же, по крайней мѣрѣ, надежная и способная къ христіанской дѣятельности ея здоровая часть.

Самое сближеніе (писали мы въ нашей брошюрѣ: „О благоустройствѣ православнаго прихода, Спб. 1907 года“ такъ называемой интеллигенціи духовенствомъ произойдетъ, какъ намъ кажется, не на почвѣ богословскихъ разсужденій и догматическихъ соглашеній, а на почвѣ общаго добраго и полезнаго дѣла, которое способно пробудить въ нихъ уваженіе и любовь другъ къ другу.

Изъ этого первоначальнаго кружка во главѣ со священникомъ, или, какъ мы назвали выше „приходскаго братскаго ядра“ возникнетъ вѣроятно и первоначальный приходской совѣтъ, который на первыхъ

порахъ своей дѣятельности долженъ проявить заботу о томъ, чтобы прихожане по возможности перезнакомились между собой и сблизились другъ съ другомъ. Чуждые и незнакомые другъ другу прихожане одного храма — это самая *прискорбная аномалія* нашей теперешней церковно-общественной жизни и грѣхъ въ этомъ грустномъ явленіи лежитъ и на нашихъ священникахъ.

Какъ только такіе первоначальные кружки установятся по приходамъ и проявятъ свою жизнеспособность и плодотворную дѣятельность, несомнѣнно, что всѣ теперешніе споры и пререканія совершенно теоретическаго характера о способахъ завѣдыванія и распоряженія церковнымъ имуществомъ и хозяйствомъ будутъ на практикѣ улажены весьма миролюбиво и благопріятно для правильнаго теченія всѣхъ этихъ имущественныхъ и матеріальныхъ дѣлъ. Приходскій священникъ, удовлетворенный нравственно и по возможности матеріально, конечно съ особенной радостью воспользуется помощью приходскихъ людей, какъ въ денежныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ, такъ и въ дѣлопроизводственныхъ, ибо всѣ эти дѣла крайне щекотливы, хлопотливы и въ сущности весьма далеко отстоятъ отъ духовно-пастырской дѣятельности призванія священника.

Неужели-же мы православные такъ измѣнились, такъ отшатнулись отъ Церкви и ея дѣлъ, такъ ожесточились, что по нашимъ приходамъ не найдется хотя-бы нѣсколько богобоязненныхъ людей, которые могли-бы образовать первоначальную братскую группу, посвятившую свою дѣятельность на устройство добрыхъ христіанскихъ дѣлъ въ приходѣ? Неужели-же среди нашихъ приходскихъ пастырей не найдется нѣсколько дѣятелей, которые приняли-бы на себя починъ къ сближенію съ прихожанами, хотя-бы

первоначально на почвѣ христіанской благотворительности? Мы неустанно будемъ повторять, что если такое сердечное сближеніе между пастырями и пасомыми не проявится по мѣстамъ, то всѣ формальные потуги къ возстановленію церковно-приходской жизни на Руси, будутъ тщетны и безплодны.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ видѣ мы рисуемъ себѣ картину приходской благотворительности. Выходя изъ понятія о приходской благотворительности, какъ о явленіи церковномъ, мы находимъ, что первой заботой такой благотворительности должна служить забота о помощи всѣмъ нуждающимся въ таковой *дѣтямъ* прихода. На первый планъ надо поставить попеченіе о грудныхъ дѣтяхъ и, имѣя при этомъ въ виду безпомощность деревенской бабы, имѣющей на рукахъ грудного ребенка въ страдную пору, сельскому приходу необходимо устроить у себя ясли для грудныхъ младенцевъ, а также и пріютъ для покинутыхъ дѣтей болѣе старшаго возраста.

Всѣ христіане должны постоянно помнить, что за допущеніе „дѣтской проституціи", мы всѣ, начиная отъ епископа и кончая простымъ вѣрующимъ, повинны предъ Богомъ въ этомъ тяжкомъ грѣхѣ, а потому должны принять всѣ мѣры къ тому, чтобы „растлѣніе души и тѣла младенцевъ и отроковицъ" прекратилось навсегда, какъ самое позорное явленіе среди того общества, которое все еще именуетъ себя христіанскимъ!

Послѣ заботъ о дѣтяхъ (являющихся какъ-бы залогомъ будущаго благосостоянія церкви и государства) должно быть выдвинуто приходомъ попеченіе о безпомощныхъ и убогихъ *женщинахъ*, по преимуществу сирыхъ и вдовыхъ, причемъ для тѣхъ изъ нихъ, которыя могутъ выйти замужъ, приходы (мы имѣемъ въ виду по преимуществу городскіе и

столичные) могли-бы снабдить ихъ небольшимъ приданымъ и этимъ способомъ удержать ихъ отъ разврата и нравственнаго паденія. Затѣмъ приходъ долженъ обратить вниманіе и на участь безпомощныхъ взрослыхъ *мужчинъ*, по преимуществу убогихъ, калѣкъ и слѣпыхъ и для призрѣнія всѣхъ способныхъ еще немного къ работѣ устраивать по приходамъ дома трудолюбія. Если деревенскимъ приходамъ часто бываетъ не подъ силу содержать всѣхъ своихъ безпомощныхъ бѣдныхъ, то городскимъ приходамъ особенно-же столичнымъ, да будетъ стыдно, что по улицамъ и площадямъ русскихъ городовъ и столицъ, ходятъ толпы разныхъ калѣкъ и убогихъ, нерѣдко имѣя на рукахъ истощенныхъ дѣтей, возбуждая состраданіе даже иностранцевъ къ участи этихъ людей и полное и презрительное удивленіе этихъ пріѣзжихъ иностранцевъ къ холодному равнодушію, небрежности и безсердечности православныхъ христіанъ, допускающихъ у себя такое публичное оказательство бѣдноты, наготы и убожества.

Мы повторимъ здѣсь то, что сказали въ заключеніе главы о приходской благотворительности, помѣщенной въ нашемъ сочиненіи: „О благоустройствѣ православнаго прихода“ Устройство перечисленныхъ выше разныхъ благотворительныхъ учрежденій будетъ тогда дѣломъ прочнымъ и благотворнымъ въ приходѣ, когда оно во всѣхъ своихъ отрасляхъ будетъ согрѣто теплой и безкорыстной любовью къ своимъ ближнимъ. Можетъ быть то благотвореніе будетъ гораздо плодотворнѣе и дѣйствительнѣе съ христіанской точки зрѣнія, которое отрѣшившись отъ всякой формалистики и показной стороны не столько принесетъ нуждающимся и страждущимъ людямъ матеріальной помощи, сколько помощи выразившейся въ *личномъ* посѣщеніи и участіи въ труд-

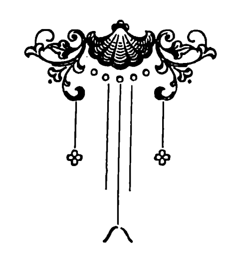
ныя и роковыя минуты жизни своихъ несчастныхъ собратій по общему храму, а также оказанія имъ при этомъ посѣщеніи ласки, сочувствія и даже добраго совѣта, проистекающаго отъ отзывчиваго, христіански-настроеннаго сердца. Кто знаетъ сколько самоубійствъ людей несчастныхъ было-бы отвращено, если-бы во время оказана была имъ поддержка и помощь со стороны ихъ братьевъ и сестеръ по приходу, болѣе стойкихъ и опытныхъ въ перенесеніи житейскихъ невзгодъ и бѣдъ.

Вотъ почему намъ кажется, что возстановленіе древняго церковнаго института—діакониссъ (а также и особыхъ сестричныхъ кружковъ) для розысканія и посѣщенія по приходу бѣдныхъ, больныхъ и страждущихъ духовно и тѣлесно, съ цѣлью оказанія имъ помощи, явится тѣмъ крѣпкимъ связующимъ *цементомъ* въ новой постройкѣ прихода, который всего лучше и надежнѣе свяжетъ и сплотитъ всѣ его составные элементы и придастъ всему приходскому дѣлу оживотворяющій христіанскій духъ и характеръ. При возрожденіи православнаго прихода и его благотворительности надо также подумать и о возстановленіи прежняго церковно-общественнаго значенія нашихъ діаконовъ, въ качествѣ развѣдчиковъ приходской бѣдности и разносителей матеріальной помощи, почерпаемой изъ церковно-общинной кассы.

Въ слѣдующей статьѣ мы коснемся вопроса объ устройствѣ „приходскаго просвѣщенія“, посредствомъ котораго необходимо научить и воспитать наше подрастающее поколѣніе въ истинно-христіанскомъ духѣ и направленіи. Для правильнаго устройства этого просвѣщенія, мы также найдемъ достойные образцы для подражанія въ уставахъ нашихъ славныхъ церковныхъ братствъ. Эти братства съумѣли создать такія школы и училища, въ которыхъ пре-

подаванiе свѣтскихъ наукъ гармонически сочеталось съ преподаванiемъ наукъ богословскихъ, и въ которыхъ царила церковная дисциплина, повлекшая за собой образованiе среди молодежи „своихъ братскихъ кружковъ“, получившихъ названiе „меньшихъ“ или „молодшихъ“ братствъ.

А. Папковъ.

Ищите горнихъ!

Не говори: Богъ меня искушаетъ
(пос. Іакова).

Не говорите: „Богъ желаетъ,
Чтобъ въ искушеньяхъ крѣпли мы!“
Богъ никого не искушаетъ,
И весь онъ — свѣтъ, и нѣтъ въ немъ тьмы;
И если благъ житейскихъ чаши
Земной отрадой насъ даритъ, —
Въ томъ нѣтъ грѣха; порочность наша,
Одна виной, что зло творитъ...
Но, если кто въ земной юдоли
Увлекся горнею красой, —
Въ немъ никнетъ грѣхъ, какъ чахнетъ въ полѣ
Трава сраженная косой...
Но если въ духѣ есть отвага, —
Онъ воспаряетъ высоко,
Зане Господне иго благо,
И бремя Вышняго легко...
И грѣхъ могучъ и зло есть сила;
Но имъ съ добромъ не совладать,
Коль освятила и плѣнила
Намъ сердца горнихъ благодать;
Возжаждемъ ихъ! И въ здѣшней жизни
Намъ будутъ каждый часъ и день
Въ духовной, радостной отчизнѣ
Благословенная ступень...

Федоръ Аксаковъ.

Людское и Божье.

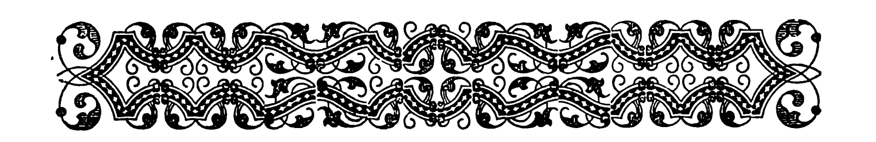
Чего не понимаютъ, того не принимаютъ; а что, какъ безсловесныя, понимаютъ, тѣмъ сами себя растлѣваютъ... (Ап. Павелъ).

Внимайте мудрость! На раздорѣ
Успѣхи зиждутся людей;
Самъ виноватъ, кто терпитъ горе
Отъ непригодности своей:
Лишь тотъ и жить имѣетъ право,
Въ комъ воля твердая смѣла,
Въ комъ духъ отваженъ, тѣло здраво
И предпріимчивость цѣла;
Того-ль жалѣть, кто, рабъ недуга,
Не можетъ въ битвѣ устоять?
Сильнѣйшихъ мощная задруга
Должна слабѣйшихъ поборать;
Упавшій мѣсто уступаетъ
Другимъ, надежнымъ для борьбы...
Кто остальныхъ переживаетъ,
Тому покорствуютъ судьбы...
Погибшихъ кости — тукъ здоровый;
Умри, кто къ смерти осужденъ!
То—жизни разумъ; то — суровый
Необходимости законъ;
И такъ: не тѣшь въ себѣ тревогу
Сердечной жалости пустой! —
Свалился-ль кто тебѣ подъ ногу, —
Шагай. — дави его пятой!..

Се, грядетъ Отрокъ Мой тихъ и кротокъ... Трости надломленной не переломитъ и льна курящагося не погаситъ!.. (Исаія).

О, нѣтъ, не такъ! Не такъ, о, братья, —
Не то Всевышній намъ судилъ!
Онъ, Вся Создавшій, всѣмъ объятья
И здѣсь и тамъ, любя, открылъ;
Что немощь міра и что сила?
Не всѣмъ ли Благость, рай суля,
Въ надзвѣздныхъ кровлю подарила?
Не всѣмъ ли трапеза земля?
Зачѣмъ предъ тварью тварь гордится?
Почто отъ брата братъ гонимъ?
Ужель въ подлунной не ужиться? —
Слѣпцы, мы сами не хотимъ...
Ты-ль, человѣкъ, въ борьбу вступаешь
Съ началомъ горнимъ дней своихъ?
Себѣ-ль прибытка не желаешь?
Добра-ль не хочешь для другихъ?
Увы! Безъ сердца разумъ злобенъ, —
Безъ Бога мертвенны умы;
И свѣтъ незрячихъ тьмѣ подобенъ;
Еще-ль горчайшей ищемъ тьмы?
Увы! Не пища тѣлу — камень, —
Не польза духу — ядъ и злость..
Другъ! Не гаси свой тусклый пламень, —
Не рушь надломленную трость!..

Федоръ Аксаковъ.

Голосъ разума и совѣсти.

Въ скорбные дни пережитыхъ и переживаемыхъ нами ужасовъ все поражало и поражаетъ здравую мысль, и все угнетаетъ сердце. Кровавый клубокъ жестокихъ злодѣйствъ, неистоваго истребленія, полной разнузданности всѣхъ темныхъ и злыхъ силъ казался дикимъ кошмаромъ, который хотѣлось исжить поскорѣе и выбросить изъ сознанія безъ промедленія, какъ случайный, хотя и губительный взрывъ мятежныхъ инстинктовъ человѣческаго духа. Но еще болѣе ужаса вызывала въ насъ спокойная увѣренная и сознательная проповѣдь истребленія и разрушенія. Этотъ открытый призывъ къ губительству, эта холодная травля всего святого и чистаго въ человѣкѣ и человѣческой жизни во имя современныхъ идоловъ—могли довести до безысходнаго отчаянія. Лучшія силы народа, его образованнѣйшіе классы, все то, что считало само себя и считалось другими цвѣтомъ жизни и ея руководящимъ кругомъ—наша, такъ называемая, интеллигенція вся ушла въ отрицаніе, въ разрушеніе, въ оправданіе ужасовъ кроваваго террора, всеобщаго грабежа, безудержнаго разврата и тѣлеснаго и духовнаго.

Такою рисовалась наша жизнь, и становилось страшно. Мы такъ вѣримъ въ образованнаго человѣка, такъ его ищемъ и нуждаемся въ немъ; народ-

ныя массы такъ еще темны и столь жадны на ученье, что развращеніе всеобщее казалось неизбѣжнымъ. А дальше—холодъ и мракъ безплодной и безславной гибели. Эта опасность не ушла еще отъ насъ и нынѣ, но есть уже признаки, что крѣпкій здравый русскій разумъ и глубокая наша совѣсть одолѣваютъ зловредную сковывавшую ихъ кору и даютъ яркіе проблески свѣта и тепла въ холодной и мрачной дѣйствительности нашей.

Весною 1909-го года вышелъ въ Москвѣ сборникъ статей объ русской интеллигенціи подъ заглавіемъ „Вѣхи". Книга эта сразу завоевала общественное вниманіе, на тысячу ладовъ обсуждалась въ печати, подверглась злому осмѣянію и нападкамъ со стороны самыхъ разнообразныхъ лагерей—и къ концу года разошлась въ четырехъ изданіяхъ. Газетный и журнальный шумъ на ряду съ внѣшнимъ успѣхомъ совершенно отвѣчаютъ несомнѣннымъ достоинствамъ этой книги, а главное правильно отмѣчаютъ и указываютъ глубокій и знаменательный переломъ въ умственномъ и душевномъ строѣ интеллигентныхъ круговъ нашего общества.

Имена лицъ, внесшихъ свои статьи въ этотъ сборникѣ, давно знакомы намъ: Н. А. Бердяевъ, С. Н. Булгаковъ, М. О. Гершензонъ, А. С. Изгоевъ, Б. А. Кистяковскій, П. Б. Струве, С. Л. Франкъ— всѣ они извѣстны, и мы привыкли ихъ видѣть на столбцахъ лѣвой печати, привыкли думать о нихъ, какъ о выдающихся представителяхъ того „освободительства", которое наложило свою ужасную печать на послѣдніе годы нашей жизни. И на этотъ разъ мы слышимъ призывъ къ освобожденію, но только не отъ того, что дорого и свято, что питало и взращивало здоровые побѣги нашей жизни, а какъ разъ наоборотъ: „Вѣхи" зовутъ интеллигентное русское

общество освободить свой умъ отъ старыхъ интеллигентскихъ предразсудковъ, очистить душу отъ ядовитаго налета разрушительныхъ понятій, раскрыть сердце и укрѣпить волю для творческой работы, оживляемой вѣрою въ Бога и Богочеловѣка Христа, къ работѣ, основанной на историческихъ опорахъ родной страны, питаемой смиреннымъ самоотверженіемъ и глубокою любовью къ родному народу. Но для такой работы нужно освѣтить и очистить свое сознаніе—и это пытаются сдѣлать „Вѣхи".Съ захватывающею искренностью и глубокимъ, трезвымъ пониманіемъ очерчиваютъ они коренные грѣхи мысли и воли русской интеллигенціи—и надо отдать справедливость мужеству писавшихъ, дѣлаютъ это широко, свободно и смѣло, подвергая себя безконечному ряду злобныхъ нападокъ и незаслуженныхъ попрековъ.

„Нельзя совершенствоваться, если находимыя въ упоеніи отъ собственныхъ великихъ свойствъ, говоритъ Бердяевъ; съ русской интеллигенціей случилось вотъ какого рода несчастье: любовь къ уравнительной справедливости, къ общественному добру, къ народному благу парализовала любовь къ истинѣ, почти что уничтожила интересъ къ истинѣ... Кружковой отсебятинѣ г. Богданова всегда отдадутъ предпочтеніе передъ замѣчательнымъ и оригинальнымъ русскимъ философомъ Лапатинымъ... споры философскихъ направленій въ интеллигентскихъ кружкахъ носили демологическій характеръ и сопровождались недостойнымъ поглядываніемъ по сторонамъ съ цѣлью узнать, кому что понравилось и какимъ инстинктамъ что соотвѣтствуетъ. Развивается моральная трусость, угасаетъ любовь къ истинѣ и дерзновеніе мысли. Наука и научный духъ не привились у насъ, были восприняты не широкими массами интеллигенціи, а лишь немногими. Ученые никогда не поль-

зовались у насъ особымъ уваженіемъ и популярностью, и если они были политическими индифферентистами, то сама наука ихъ считалась не настоящей". Какая здѣсь сказана горькая и жестокая правда. Невольно вспоминается покойный Менделѣевъ, которому русская Академія Наукъ не нашла мѣста въ своей ученой семьѣ (иностранныя Академіи гордились честью считать Менделѣева въ рядахъ своихъ почетнѣйшихъ членовъ) русская интеллигентная публика никакъ не могла и не можетъ простить великому ученому его отрицательнаго отношенія къ революціи. Какъ понятно при такомъ освѣщеніи наше поголовное и постыдное невѣжество и умственная косность рѣшительно во всѣхъ областяхъ жизни, наше рабство передъ всякой умственной новинкой, послѣдней теоріей, привезенной изъ за границы и пущенной въ оборотъ въ подходящій моментъ. Отсюда вытекаетъ узкое политиканство мысли и вѣра въ то, что одни внѣшнія условія создаютъ благополучіе или разрушаютъ его, одна внѣшняя свобода есть залогъ всеобщаго и немедленнаго счастья. Въ строгой связи съ научнымъ невѣжествомъ и легкомысліемъ стоитъ то особенное обстоятельство, что атеизмъ есть общая вѣра, въ которую крещаются (говоритъ Булгаковъ) вступающіе въ лоно церкви интеллигентски-гуманистической, и не только изъ образованнаго класса, но и изъ народа. Эта вѣра беретъ въ основу рядъ непровѣренныхъ и въ своей догматической основѣ, конечно, неправильныхъ утвержденій, именно, что наука компетентна окончательно разрѣшить и вопросы религіи и притомъ разрѣшаетъ ихъ въ отрицательномъ смыслѣ; къ этому присоединяется еще подозрительное отношеніе къ философіи, особенно метафизикѣ, также заранѣе отвергнутой и осужденной. Вѣру эту раздѣляютъ и ученые, и не-

ученые, и старые, и молодые“. Особенно легко это воспринимается молодежью, которая вѣру въ Бога легко замѣняетъ вѣрой въ науку, прогрессъ, цивилизацію особенно западно-европейскаго образца, при полномъ забвеніи или лучше сказать откровенно незнаніи того, что западно-европейская культура имѣетъ свои чисто религіозныя опоры и цѣликомъ выросла или на католицизмѣ или на протестантствѣ. Къ несчастью русская молодежь поставлена въ такое положеніе, что ея оцѣнки и мнѣнія имѣютъ особую силу—и это гибельно и для молодежи и для общества. Первая—безъ опыта и знанія дѣлаетъ рискованнѣйшіе соціальные опыты — второе оказывается въ фальшивомъ положеніи курицы, обучаемой собственными яйцами. При этомъ среди интеллигенціи крайне непопулярны идеи личнаго самоусовершенствованія, личной нравственности—и наиболѣе непопулярно „смиреніе“ — основная христіанская добродѣтель. Но зато нѣтъ у интеллигенціи и идеала личности. Она потеряла высочайшій идеалъ, данный Богочеловѣкомъ, обожествляетъ себя. Вслѣдствіе отсутствія идеала личности нѣтъ понятія о грѣхѣ. „Вся сила грѣха, мучительная его тяжесть, всесторонность его вліянія на всю человѣческую жизнь, словомъ— вся трагедія грѣховнаго состоянія человѣка, исходъ изъ которой въ предвѣчномъ планѣ Божіемъ могла дать только Голгоѳа, все это остается внѣ поля сознанія интеллигенціи, находящейся какъ бы въ религіозномъ дѣтствѣ, не выше грѣха, но ниже его сознанія. Она увѣровала, что естественный человѣкъ добръ по природѣ—поэтому никакой особой заботы о культурѣ личности быть не можетъ и не должно, а вся энергія цѣликомъ должна быть расходуема на улучшеніе среды, имѣя при томъ въ виду лишь матеріальные ея элементы и внѣшнія условія. Этимъ

отсутствіемъ чувства грѣха и хотя бы нѣкоторой робости передъ нимъ объясняются многія печальныя стороны и событія нашей революціи, а равно и наступившаго послѣ нея духовнаго маразма. Не пора-ли вспомнить о старомъ Моисеевомъ десятословіи, а затѣмъ дойти и до Новаго Завѣта. Легіонъ бѣсовъ вошелъ въ гигантское тѣло Россіи и сотрясаетъ его въ конвульсіяхъ, мучитъ и калѣчитъ. Только религіознымъ подвигамъ, незримымъ, но великимъ возможно излѣчить ее и Христосъ стоитъ и стучится въ гордое, непокорное интеллигентское сердце. Будетъ ли когда услышанъ стукъ Его?"

Вы слышите этотъ крикъ изстрадавшейся души, вопль измученной совѣсти? Онъ несется изъ самой глубины интеллигентскихъ потемокъ, изъ самой кипени интеллигентскаго бытія.

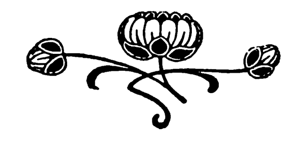
Мы сдѣлали выдержки только изъ двухъ статей, но таковы всѣ „Вѣхи" по разнымъ сторонамъ и вопросамъ бытія и желаній нашей интеллигенціи. Не прислушаться къ этому голосу нельзя, не понять его стыдно, если не преступно. Покайтесь!—такъ и слышится въ каждомъ звукѣ, оглянитесь на себя, на всю жизнь, не губите ее такую богатую и прекрасную, надѣленную сверхъ мѣры и безъ счета всѣми дарами Божьими. Покайтесь и вернитесь на тотъ путь, который указанъ крестомъ и Голгоѳой. Чего же еще надо?

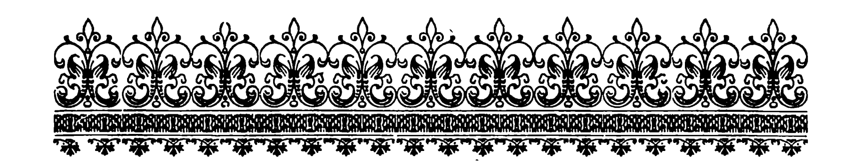
Лѣвый лагерь печати встрѣтилъ „Вѣхи" проклятіями и издѣвательствами—немудрено: зеркало оказалось виновнымъ въ кривизнѣ собственнаго лица. Правый лагерь мало разобралъ и не глубоко вникъ въ самую суть начавшагося движенія. А его надо беречь и лелеять. Среди интеллигентской пустыни, на дымящемся кровью пожарищѣ русской жизни вспыхиваютъ свѣтлые проблески ума, пробиваются

свѣжіе ключи глубокой вѣры и исканія Царства Божія вмѣсто анархическаго самоутвержденія своей воли.

Не отвѣтить на „Вѣхи“ нельзя. Но отвѣта сочувственнымъ словомъ или вздохомъ мало. „Вѣхи“ только фокусъ, въ которомъ собрались въ яркую точку лучи, пробившіеся сквозь мракъ; а сколько скорбящихъ, озлобленныхъ, помощи требующихъ интеллигентскихъ душъ мается и тоскуетъ въ нашемъ обществѣ?! Отыскать ихъ, согрѣть ихъ живымъ дыханіемъ христіанской любви, братски помочь имъ выбраться изъ нравственныхъ и умственныхъ тисковъ, въ которые вогнала ихъ русская, горькая жизнь—вотъ задачи для каждаго, у кого живо русское христіанское сердце.

І. Никаноровъ.

Искра добра.

По длинному волоку почтоваго тракта одной изъ сѣверныхъ губерній Россіи въ началѣ ноября 1885 г., мелкой рысцой бѣжала пара лохматыхъ крестьянскихъ лошадокъ, запряженныхъ въ домодѣльныя сани съ плетеномъ кузовомъ. На передкѣ сидѣлъ мужикъ въ сѣромъ, зипунѣ, съ выбивавшимися изъ-за поднятаго воротника побѣлѣвшими отъ мороза волосами и бородкой, что придавало еще молодому по лѣтамъ возницѣ причудливый видъ стараго дѣда. Онъ, казалось, дремалъ и только изрѣдка, когда лошади совсѣмъ готовы были остановиться, проявлялъ признаки бодрствованія, понукая ихъ слегка вожжами. Колокольчикъ жидко позвякивалъ и не только не придавалъ бодрости лошадямъ, возницѣ и пассажиру, лежавшему въ глубинѣ саней, а нагонялъ на нихъ еще большую дремоту. Изъ полураскрывшагося, заиндивѣвшаго воротника деревенскаго овчиннаго тулупа, тамъ, въ саняхъ выглядывало молодое интеллигентное лицо, мало соотвѣтствовавшее невзрачному виду верхней одежды. И дѣйствительно, растянувшійся на сѣнѣ во всю длинну молодой проѣзжій — Николай Рущовъ — вырядился такъ лишь благодаря морозамъ, которые его застали въ одномъ осеннемъ пальто въ глуши К-ой губерніи, гдѣ онъ провелъ лѣто и осень, какъ

домашній учитель. Чтобы не замерзнуть въ дорогѣ, онъ рѣшился нанять, дремавшаго теперь на козлахъ, Кузьму, отъ мѣста до мѣста въ ближайшій желѣзнодорожный пунктъ — городъ Н., одолжившись у него и крытымъ полинявшей крашениной тулупомъ. Отъ усадьбы, гдѣ Рущовъ провелъ лѣто, до Н. было цѣлыхъ триста верстъ, и вотъ уже вторыя сутки онъ тащится, что называется, „на долгихъ“, дѣлая перегоны въ двадцать пять — тридцать верстъ, останавливаясь, чтобы кормить лошадей и для ночлега.

Грунтовый трактъ до Н. пролегаетъ по мало населенной лѣсистой мѣстности, и потому длинные волоки, окаймленные высокими стѣнами хвойнаго лѣса, перемежались лишь моховыми болотами, съ торчащими на нихъ рѣдкими сухоподстойными деревьями или чернолѣсьемъ. Только изрѣдка деревья, какъ-бы разбѣгаясь въ стороны отъ дороги, раскрывали видъ на поля, окруженныя длинными осѣками и на группы въ безпорядкѣ настроенныхъ дворовъ лѣсныхъ починковъ.

Почтовыя тройки въ эту пору рѣдко нарушали однообразіе путевыхъ впечатлѣній, но за то пара лошадокъ Кузьмы то и дѣло обгоняла длинные обозы, тянувшіеся медленнымъ шагомъ въ Н., съ бондарнымъ, щепнымъ и двугимъ товаромъ. То и дѣло скрипѣли и пѣли въ морозномъ воздухѣ полозья возовъ, слышались мѣрныя шаги возчиковъ, доносился ихъ говоръ, отрывки ихъ рѣчи и затѣмъ вновь все стихало, и слышался опять одинъ лишь дряблый звонъ колокольчика до слѣдующей встрѣчи.

Несмотря на неподвижность всей его фигуры, молодой человѣкъ, лежавшій въ саняхъ, не спалъ, голова работала ясно и строила планы предстоящей ему университетской жизни. Съ такимъ трудомъ заработанная сотня рублей, которая лежитъ те-

перь у него въ боковомъ карманѣ, дастъ ему возможность, думаетъ онъ, не сразу броситься искать новаго заработка; онъ можетъ осмотрѣться, ознакомиться съ людьми, заняться интересующими его предметами. Обезпеченный мѣсяца на три въ насущныхъ нуждахъ, онъ еще можетъ дозволить себѣ и кое-какую роскошь. Рублей десять—пятнадцать, по всѣмъ его соображеніямъ, должно остаться на книги и оперу, куда онъ съ такимъ наслажденіемъ будетъ ходить съ своимъ задушевнымъ пріятелемъ, тоже какъ и онъ страстнымъ любителемъ музыки. И въ сотый разъ съ аккуратностью истаго скряги, принялся онъ обдумывать планъ возможныхъ сокращеній будущихъ хозяйственныхъ расходовъ...

Уже вечерѣло, спустились сумерки, и на ясномъ синемъ небѣ, надъ головой путниковъ, проглянули таинственныя очи звѣздъ.

Однообразный звонъ колокольчика, медленный бѣгъ лошадей и смѣна тонущихъ по сторонамъ дороги темныхъ силуэтовъ деревьевъ, начали понемногу одолѣвать свободную работу мысли молодого человѣка и ея мѣсто заняла вереница смѣняющихъ одинъ другого образовъ. Вотъ выплываетъ передъ нимъ домъ съ бѣлыми колоннами, вотъ виднѣется садъ, сбѣгающій къ водѣ, терраса и красивая излучина рѣки, а за ней обширный лугъ, съ синѣющимъ вдали лѣсомъ. Это усадьба, гдѣ онъ провелъ лѣто и осень,—красивое, но чуждое ему гнѣздо. Что-то щемитъ ему сердце. Вспоминаетъ онъ, что самъ теперь бездомовникъ — пролетарій, а еще недавно спѣшилъ на каникулы въ дорогой ему хуторокъ, гдѣ съ такой горячей лаской встрѣчалъ его старикъ-отецъ, гдѣ каждый уголокъ былъ знакомъ ему съ ранняго дѣтства... Передъ нимъ выплываетъ старый домикъ, съ покосившейся верандой, полузаросшей дикимъ виногра-

домъ, у чайнаго столика виднѣется добродушное, сморщенное лицо ключницы Аграфены, потчевавшей его такими вкусными лепешками „изъ людской“, рисуется фигура стараго садовника Дмитрія, съ задумчивымъ видомъ деревенскаго философа, въ длинномъ старомъ сюртукѣ съ барскаго плеча и шапкой сѣдыхъ вьющихся волосъ.

Но все это куда-то быстро исчезаетъ, и опять слышится веселый говоръ возчиковъ новаго обоза, вновь скрипятъ воза, откатывающіеся одинъ за другимъ по наѣзженнымъ краямъ дороги, пока опять не удастся обогнать ихъ. Зазябнувшій Кузьма слѣзаетъ съ передка и, пустивъ лошадей вольно, мѣрнымъ шагомъ идетъ рядомъ, хрустя подошвами застывшихъ валенокъ. Колокольчикъ замолкъ, и слышится только таинственный шумъ хвойнаго лѣса. Глаза Рущова опять слипаются отъ дремоты, но милое ему гнѣздо не выплываетъ болѣе. Что-то давитъ его грудь, болѣзненно сжимается его сердце, и новые, неясные образы носятся передъ нимъ. Что это? Къ нему ползутъ зеленыя, темныя лапы старой ели, переплетаясь съ вѣтвями березы, а за ними на зеленомъ покрытомъ холмиками пространствѣ виднѣется цѣлый лѣсъ крестовъ. Вотъ на краю, близъ стоящей въ сторонѣ плакучей березы, чернѣетъ свѣжая зіяющая яма, и что-то опускаютъ въ нее на длинныхъ бѣлыхъ холстахъ стоящіе вокругъ люди. Что-то дорогое, безконечно ему милое опускаютъ въ эту бездну. Слышенъ глухой шумъ падающей земли, бездна заполняется и понемногу выростаетъ новый холмикъ, а надъ нимъ въ туманѣ уже вырисовывается одинъ изъ тѣхъ символовъ, которыхъ такъ много въ этомъ уголкѣ лѣса. Жалобно и нѣжно несется убаюкивающій его тоску напѣвъ:

Вѣ-ѣ-ѣ-чная п-а-а—мять! Вѣ-ѣ-ѣ-чная п-а-а—мять!

Вотъ все, что осталось отъ родного гнѣзда, проносится въ его сознаніи, нѣтъ у него больше пристанища, онъ одинокъ на землѣ, и мертвящій холодъ его охватываетъ.

Но что это? Горячая слеза упала на его руку. Онъ не одинъ, кто-то раздѣляетъ его горе, его поддерживаетъ добрая старая женщина, которую онъ не разъ видалъ у дверей ближайшаго къ отцовской усадьбѣ двора, на него смотритъ дружески и протягиваетъ ему загорѣлую рабочую руку молодой парень, его сверстникъ, съ которымъ онъ не разъ игралъ когда-то въ дѣтствѣ, какъ съ товарищемъ. Простыя и добрыя лица крестьянъ-сосѣдей съ участіемъ къ его горю смотрятъ на него. Его окружаютъ близкіе его отцу люди, съ которыми тотъ провелъ жизнь, дѣля съ ними и горе и радости, и самъ онъ, очевидно только по безпечности забылъ, что они ему не чужіе.

— Друзья мои, братья! — заговорилъ онъ и въ полудремотѣ открылъ глаза. Надъ нимъ продолжали горѣть звѣзды, проливая изъ глубины неба ласкающіе душу лучи, и таинственный голосъ, казалось, шепталъ: „Ты не забудешь этихъ добрыхъ людей никогда, и никогда горе и радости ихъ не будутъ тебѣ чужды!“

Вокругъ раздался говоръ, и онъ очнулся.

Уже подъѣзжали къ мѣсту ночлега. Кузьма пріободрился, лошади побѣжали веселѣй, колокольчикъ зазвенѣлъ громче, и они въѣхали въ улицу большого селенія съ двумя порядками просторныхъ высокихъ избъ. На фонѣ звѣзднаго неба вырисовывались ихъ темные силуэты съ коньками, полотенцами и свѣтелками. Окна, озаренныя ярко горящею въ избахъ лучиной, выбрасывали на улицу снопы свѣта и привѣтливо смотрѣли на проѣзжающихъ. А вокругъ

слышался говоръ возчиковъ и скрипъ полозьевъ обоза, весело въѣзжающаго въ мѣсто ночлега и ужина.

Задолго до разсвѣта поднялся Рущовъ и скоро двинулся въ дальнѣйшій путь. Оставался одинъ день ѣзды до Н. Къ полудню Рущовъ въѣхалъ въ селеніе, гдѣ думалъ пополдничать.

Близость большого города уже давала себя знать: по улицѣ виднѣлись хотя большія, но полуразрушенныя избы, очевидно заброшенныя ушедшими въ городъ хозяевами, къ нимъ жались новыя, но плохонькія избенки подѣлившихся крестьянъ, и только изрѣдка попадались достаточные дворы.

Передъ крыльцомъ въѣзжей толпился народъ, стояли лошади и сани пріѣзжихъ.

Въ обширной избѣ оказалось людно. Почетный уголъ былъ уже занятъ, и Рущовъ, не раздѣваясь, пробрался на лавку къ перегородкѣ, отдѣлявшей комнату стряпухи отъ общей горницы.

Печальная картина представилась его глазамъ: подъ божницею возсѣдалъ тучный мужикъ въ суконномъ кафтанѣ, съ цѣпью на шеѣ, очевидно старшина, рядомъ бритый сюртучникъ съ перомъ за ухомъ рылся въ бумагахъ, а вдоль лавки направо расположились нѣсколько деревенскихъ богатѣевъ, которыхъ легко было признать по болѣе чистой одеждѣ и самодовольнымъ черствымъ лицамъ. Съ ними рядомъ пристроился и пріѣзжій изъ города торговецъ-прасолъ.

Передъ столомъ, за которымъ такъ важно расположилась эта компанія, жались въ кучу мужики, бабы и дѣти, съ жалкими, тощими, убитыми горемъ лицами. Впереди, выдѣлялся блѣдный, некрасивый молодой мужикъ, съ сосредоточеннымъ не то злобнымъ, не то безнадежно горькимъ лицомъ. За нимъ

растерявшаяся, съ наплаканными глазами баба держала на рукахъ тощаго ребенка и готова была, казалось, разрыдаться; къ ней жались еще двое оборванныхъ дѣтей; далѣе стоялъ равнодушно глядѣвшій на все подростокъ, и толпились не менѣе жалкія фигуры другихъ крестьянъ. У всѣхъ былъ равно угнетенный видъ, чувствовалась минута тяжелаго крестьянскаго горя.

Происходило выколачиваніе недоимокъ съ продажей имущества.

Болѣе счастливые, раздобывшіе хотя и съ большими жертвами, до торга деньги, спасли уже свой достатокъ и стояли поодаль. Тѣ же, которымъ не удалось обернуться, ждали своей участи.

— Ну, Николай Сидоровичъ. Кто слѣдующій?— спрашиваетъ старшина.

— Иванъ Безпаловъ, — говоритъ писарь. — Долженъ за первую половину, да недоимокъ прежнихъ лѣтъ—девять рублей 53 коп., описано сѣна на пять рублей, да телушка въ четыре рубля.

— Ну, что же, Иванъ, приготовилъ деньги? — обращается старшина, къ блѣдному молодому мужику.

— Да гдѣ же мнѣ ихъ взять, Дмитрій Ивановичъ! Жена у меня хворая, ребятки малые; уйти въ извозъ али въ городъ мнѣ не отъ кого, а урожай, самъ знаешь, какой нонѣ былъ, не токмо что продать—самимъ придется скоро безъ хлѣба сидѣть. Имѣйте божескую милость, Дмитрій Ивановичъ. Заставьте за себя вѣчно Бога молить, отсрочьте до весны,—весной все отдамъ. Телка сейчасъ—что она стоитъ. А весной кажинный три синенькихъ дастъ. Не помилуете, продадите сѣно — нечѣмъ будетъ корову кормить, тогда мнѣ съ дѣтками помирать надо,— говоритъ глухимъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ Иванъ.

— Ну, нѣтъ. Ужъ это пустое. Отсрочки мнѣ вамъ давать нельзя. Самого меня начальство нудитъ, — отвѣчаетъ старшина.—Вотъ проси Евсея Митрича — онъ тебѣ сосѣдъ, можетъ онъ за тебя внесетъ.

— Какъ же! За такихъ гордецовъ мнѣ и платить, — рычитъ одинъ изъ богатеевъ.—Не помнятъ они моего добра, не то чтобы понимать себя какъ слѣдоваетъ, да почитать людей поштенныхъ; они шапки тебѣ не ломаютъ, норовятъ нагрубить, а ты за нихъ теперь плати. Нѣтъ, ужъ увольте, Дмитрій Ивановичъ, — и надувшись отъ злыхъ воспоминаній о непочтительности обобранныхъ имъ не разъ сосѣдей Безпаловыхъ, деревенскій кулакъ надменно отвернулся, пробурчавъ небрежно: — кабы видѣлъ я отъ нихъ почтеніе — тогда бы и просили... вотъ купить телку и сѣно могу...

Лицо бѣднаго Ивана стало еще блѣднѣе, — онъ понялъ, что униженіемъ и мольбой можно еще спасти свое достояніе. Но унижаться передъ Евсеемъ, передъ злѣйшимъ врагомъ, у котораго пропало столько его добра, которому задаромъ онъ отдалъ столько труда и здоровья — выше его силъ. Но вотъ уже чудится ему безконечный жалобный плачъ дѣтей, ему представляется обездоленное его хозяйство, когда придется за безцѣнокъ продать корову — и ужасъ осиливаетъ его гордость. Легкій стонъ вырвался изъ его груди, и колѣни уже дрогнули, чтобы согнуться передъ жаднымъ кулакомъ и вымолить у него деньги, хотя за непосильную отработку.

Николай Рущовъ слѣдилъ, не отрывая глазъ, за происходившей драмой. Безнадежно - горькое лицо Ивана будило въ немъ воспоминанія пережитыхъ имъ самимъ тяжелыхъ, близкихъ къ отчаянію минутъ; мысли и чувства несчастнаго мужика невольно захватывали его душу и пробуждали чувство сродства, съ находившимся въ бѣдѣ человѣкомъ. Сердце сжалось отъ сочувствія къ нуждѣ бѣднаго крестьянина.

Передъ затуманившимися глазами промелькнула картина далекаго сельскаго кладбища и братскаго сочувствія крестьянъ его горю. „Это тоже братъ“, подумалъ онъ, „я могу и долженъ помочь ему“, и почти безсознательно онъ опустилъ руку за бумажникомъ, двинулся къ столу и жестомъ остановилъ Ивана, который готовъ былъ броситься на колѣни передъ Евсеемъ.

— Не проси, не надо!—сказалъ онъ, и вынувъ изъ бумажника десять рублей, бросилъ ихъ на столъ со словами:

— Прошу получить съ меня недоимку за Ивана Безпалова!

Въ эту минуту изба уже была полна возчиками длиннаго обоза, подъѣхавшими почти одновременно съ Рущовымъ.

Раздѣвшись, мужики готовились заказывать себѣ чай съ ситнымъ и обычной чаркой водки и послѣднія мгновенія внимательно прислушивались къ происходившему.

Помощь, полученная несчастнымъ недоимщикомъ отъ проѣзжаго юноши въ полиняломъ тулупѣ, всѣхъ ихъ ошеломила. Лицо Ивана тоже выражало полное недоумѣніе, но понемногу сдѣлалось оно радостнымъ, на глазахъ навернулась слеза, и благодарный взглядъ направился на нежданнаго благодѣтеля. Рущовъ тоже дружески взглянулъ на него, но, замѣтивъ общее вниманіе, покраснѣлъ и быстро направился къ выходу. Среди возчиковъ и въ толпѣ недоимщиковъ пробѣжалъ ропотъ одобренія, и послышались слова молитвы. То были мольбы бѣдной женщины съ дѣтьми, которой избавленіе отъ бѣды ея товарища по несчастью придало новую вѣру въ помощь свыше.

— Мать Пресвятая Богородица, Заступница Скорбящихъ! Помоги намъ грѣшнымъ! Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! — съ жаромъ причитала она.

Въ толпѣ послышались голоса:

— Вотъ такъ молодецъ парень! Помогъ бѣдному человѣку—вызволилъ.

— Ужъ это—точно по божески,—говорили другіе.

— Кто это? — Сказываютъ, учитель. — Тоже сердешный трудовую копѣйку отдалъ.

— Видно, паря самъ горе видалъ: вотъ нашу нужду крестьянскую и понимаетъ.

— Очинно просто: одѣтъ-то ни ахти какъ.

— Что же, братцы, — заговорилъ взволновано одинъ изъ возчиковъ, кудрявый благообразный рыжій мужикъ, — рази и мы не христіане? Не можемъ что ли помочь въ нуждѣ бѣднымъ людямъ? Чай тоже не безъ работы сидимъ, есть и у насъ копейка. Вотъ чѣмъ водку-то пить, соберемъ-ка мы промежъ себя по мѣрѣ силъ—може и остальныхъ добрыхъ людей изъ бѣды выручимъ, а въ избѣ-то и безъ водки тепло.

— Правду, правду говоритъ онъ, братцы,—загалдѣли голоса.

— Что-жъ, вызволимъ бѣднягъ, насъ вонъ какая ватага, мы осилимъ.

— Айда, паря, развязывай кошели!—заговорили въ толпѣ, и въ шапку рыжаго посыпались деньги.

Какъ искра на горючій матеріалъ, упалъ на простыя сердца рабочихъ людей добрый починъ Рущова. Великодушный порывъ легко охватилъ всю толпу и скоро недостающая для уплаты за остальныхъ недоимщиковъ сумма была покрыта; къ общей складчинѣ присоединился и проѣзжій торговецъ. Долго сумрачно и недовѣрчиво смотрѣлъ онъ на происходившее, съ явнымъ желаніемъ не поддаться общему настроенію, однако не выдержала душа, и онъ далъ кредитку. Старшина, подсчитывающій итогъ недоимки и получавшій деньги отъ столь необычныхъ плательщиковъ, выражалъ сдержанное одобреніе.

— Что-жъ! Это, конечно, дѣло доброе. Ваши тру-

довые... вы вольны въ нихъ. Мы этому препятствовать не можемъ..

Только у писаря да у деревенскихъ міроѣдовъ, видимо его искреннихъ друзей, какъ-то кисло вытянулись лица. Писарь вскорѣ прошелъ за перегородку къ хозяину, чтобы проглотить стаканчикъ — другой, оправиться и поразобраться въ мысляхъ, а богатеи поспѣшили удалиться, какъ-будто опасаясь какихъ-либо нелестныхъ для нихъ демонстрацій. Но объ нихъ забыли, и только тощій подростокъ, одинъ изъ спасенныхъ домохозяевъ, успѣлъ пустить имъ въ догонку:

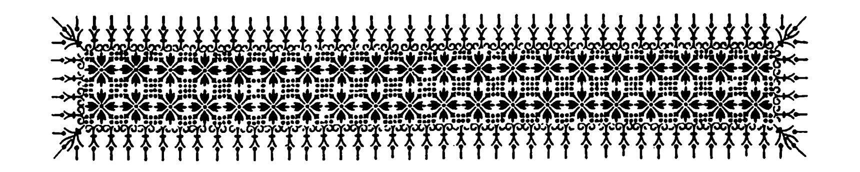
— Что, взяли!

Но деревенскіе богатеи даже и не оглянулись. Что-то необычное, непонятное для нихъ, копошилось у каждаго на днѣ души и подымало сомнѣніе— точно ли они такіе почтенные люди, какъ привыкли сами себя называть.

Рущовъ, не заходя въ избу, двинулся въ дальнѣйшій путь, разсчитывая при слѣдующей остановкѣ пообѣдать и напиться чаю.

Когда къ вечеру, вдали надъ замерзшей большой рѣкой, забѣлѣли очертанія высоко расположеннаго на другомъ берегу города Н., загорѣлись въ морозной пыли огни многочисленныхъ фонарей, казавшіеся издали какой-то иллюминаціей, и осталось не болѣе часа ѣзды до желѣзной дороги, которая должна была на завтра доставить Рущова въ столицу, въ головѣ его вновь стали складываться планы предстоящей ему новой жизни въ большомъ городѣ. Придется удвоить бережливость, на роскошь жизни средствъ не осталось; но необычайный приливъ бодрости и энергіи давалъ ему увѣренность, что силъ у него избытокъ, одинокимъ и чужимъ онъ въ жизни не будетъ никогда; крѣпкіе корни его связываютъ съ родною землею. И что-то хорошее и теплое согрѣвало его душу...

А. А—въ.

Чистые сердцемъ.

(Докторъ Муано).

Невольно приходитъ мнѣ на память встрѣча съ однимъ сельскимъ врачемъ во Франціи. Это было давно—въ годы моей молодости, когда я еще только, что называется, вступалъ въ жизнь. Такъ началъ свое повѣствованіе мой собесѣдникъ одинъ изъ ретивыхъ земцевъ поволжья.—Въ сущности—продолжалъ онъ, событіе это весьма незначительное, но образъ этого милаго, симпатичнаго человѣка и его чистые и трезвые взгляды не разъ воскресали передо мной въ минуты душевной усталости, въ минуты сомнѣній, будили вѣру въ людей и какъ дуновеніе свѣжаго вѣтерка бодрили мою душу... Вотъ почему, мнѣ кажется, эта встрѣча заслуживаетъ все же быть разсказанной.

Я и мой товарищъ и сосѣдъ по имѣнію Павелъ Пролинъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ странствованій по Европѣ, возвращались тогда на родину въ наши родныя приволжскія степи. Послѣднимъ этапомъ нашего путешествія былъ шумный Парижъ и поѣздъ мчалъ насъ уже къ Германской границѣ, когда намъ вздумалось завернуть въ замокъ П.—Это древнее средневѣковое зданіе съ остроконечными башнями, безконечными залами и переходами, изу-

крашенными послѣднимъ Императоромъ французовъ атрибутами временъ „рыцарей круглаго стола"—представляло для насъ художественный интересъ. На ближайшей къ замку станціи мы оставили поѣздъ и взяли коляску. На лошадяхъ приходилось ѣхать верстъ двѣнадцать.

Дорога была прекрасная и, покачиваясь на мягкихъ рессорахъ, мы безпечно болтали. Разговоръ шелъ о планахъ будущаго. Моему товарищу Пролину оно рисовалось при обстановкѣ наиболѣе живописныхъ мѣстностей Европы, въ большихъ центрахъ, среди роскоши и жизненнаго довольства и видимо при условіи, что первыя мѣста въ жизненномъ пиру должны рано или поздно принадлежать намъ. Я не противорѣчилъ и самъ тоже отдавался золотымъ мечтамъ. Да и трудно было не строить наивно-эгоистическихъ плановъ, когда о правахъ на успѣхъ говорилось намъ чуть ли не со скамейки перваго класса, того учебнаго заведенія, гдѣ мы получили образованіе, когда роскошь и внѣшній блескъ составляли цѣль существованія большинства людей нашего круга. Трудно было вообще не мечтать о личномъ счастіи, когда оба мы были молоды, когда въ здоровомъ молодомъ тѣлѣ тепло разливалась здоровая кровь, когда свѣжій утренній вѣтерокъ, ясное утро и красивыя очертанія окружающей природы сладко волновали наши еще неистрепанныя чувства.

Скоро окруженныя купами деревъ самыхъ разнообразныхъ породъ и оттѣнковъ, надъ небольшимъ озеромъ стали вырисовываться воздушныя очертанія замка изъ свѣтлаго камня. Мы въѣхали въ мѣстечко съ нѣсколькими улицами, застроенными, крытыми красной черепицей бѣлыми домиками, тянущимися по сторонамъ улицъ съ длинными каменными заборами и зеленѣющими за ними фруктовыми деревьями.

Выпивъ по чашкѣ кофе въ сельской гостиницѣ, гдѣ мы остановились, мы предприняли прогулку въ замокъ. Осмотрѣвъ его съ интересомъ, свойственнымъ туристамъ нашего возраста, мы уже возвращались назадъ, когда на главномъ подъѣздѣ мой товарищъ оступился и повредилъ себѣ ногу, настолько, что пришлось прибѣгнуть къ помощи двухъ привратниковъ, чтобы доставить его до гостиницы. Вывихъ, хотя и незначительный, потребовалъ помощи врача. Я обратился къ хозяину гостиницы, прося послать за нимъ.

— Докторъ сейчасъ въ Кюси, полчаса ходьбы отсюда, но къ двумъ онъ будетъ здѣсь, отвѣтилъ мнѣ добродушный толстякъ. — Будьте покойны, господа, я предупрежду его, да и самъ онъ не минуетъ моей гостиницы. Было уже около часу и приходилось ждать.

Около двухъ въ концѣ улицы показался какой то среднихъ лѣтъ человѣкъ въ обычномъ для жителей этой мѣстности коричневомъ грубаго сукна костюмѣ и въ соломенной шляпѣ мѣстной работы; въ одной рукѣ несъ онъ какой-то ящикъ, а другой опирался на дождевой зонтикъ.

Вотъ и докторъ!—окликнулъ меня, стоявшій на крыльцѣ хозяинъ.

Костюмъ и способъ передвиженія, приближающагося господина, невольно навели меня на сомнѣнія о его знаніяхъ и положеніи.

— Судьба кажется посылаетъ намъ не болѣе какъ фельдшера—оповѣстилъ я, съ тревогой въ голосѣ Пролина. Боюсь можно ли ему довѣрить твою ногу?

— Докторъ, господинъ докторъ! Окликалъ уже въ это время хозяинъ гостиницы, показавшагося въ концѣ улицы господина. Васъ просятъ зайти.

Маленькое несчастіе съ пріѣзжимъ иностранцемъ — вывихъ ноги!

Господинъ въ коричневомъ костюмѣ ускорилъ шагъ и скоро, любезно поздоровавшись съ хозяиномъ, направился къ нашей комнатѣ. Послышался легкій стукъ.

— Можно войти? — спросилъ звучный голосъ.

Войдите, войдите! — отвѣтили мы.

Дверь отворилась и въ комнату вошелъ худощавый господинъ лѣтъ сорока, съ живымъ, загорѣлымъ, интеллигентнымъ лицемъ, темной эспаньелкой и усами и красивыми, что называется, бархатными глазами.

— Чѣмъ могу служить? Кто нуждается въ моей помощи господа? — спросилъ онъ.

Я показалъ на Пролина и въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ о случаѣ съ его ногой.

Пришедшій внимательно осмотрѣлъ ногу и на минуту задумался, какъ бы соображая что-то.

— Ну, дѣло не важное,—легкій вывихъ, сказалъ онъ, — минуту терпѣнія и все опять будетъ въ порядкѣ. Вы не очень нервны? — спросилъ онъ Пролина, лукаво улыбаясь. О я вижу вы совсѣмъ молодецъ! продолжалъ онъ, дѣлая легкія движенія больной ногой паціента и потомъ, вдругъ, съ силой далъ ей необходимый поворотъ и вернулъ свихнутый суставъ въ нормальное положеніе.

— Вотъ и готово,—сказалъ онъ.

Пролинъ только слабо вскрикнулъ и, почувствовавъ ногу въ обычномъ порядкѣ, сталъ благодарить доктора, нѣсколько преувеличенно удивляясь его ловкости.

— Ну, надо теперь дать вашей ногѣ отдохнуть немного, а завтра вы можете хотя снова карабкаться по лѣстницамъ нашего замка!

Выразивъ еще разъ благодарность, Пролинъ положилъ въ руку доктора десяти-франковый золотой.

— О, это ужъ слишкомъ по-русски, господа!— запротестовалъ докторъ, это въ пять разъ болѣе того, что мнѣ слѣдуетъ. Въ этой общинѣ я имѣю обыкновеніе получать съ моихъ состоятельныхъ паціентовъ за оказываемую помощь только два франка и не вижу основаній брать болѣе съ заѣзжихъ иностранцевъ, застигнутыхъ маленькой бѣдой — и онъ рѣшительно отодвинулъ золотой и болѣе двухъ франковъ взять не согласился.

Мы сконфузились и очень были обрадованы, когда приходъ слуги гостиницы, внесшаго приборы для завтрака, далъ намъ случай загладить неловкость положенія любезностью другого рода.

— Мы надѣемся, докторъ, вы не откажетесь съ нами позавтракать — сказалъ я.

— О, это другое дѣло, съ удовольствіемъ воспользуюсь вашимъ любезнымъ приглашеніемъ—отвѣтилъ докторъ.—Теперь обычный часъ моего завтрака, а я порядочно удалился отъ дома.

Мы усѣлись къ столу и за первымъ же стаканомъ вина, разговоръ оживился.

— Скажите, господа, откровенно! Мнѣ показалось, что по первому впечатлѣнію вы приняли меня за фельдшера. Вѣрно? я угадалъ? Мой скромный костюмъ и моя походная аптечка ввели васъ, въ заблужденіе!

Мы должны были сознаться, что дѣйствительно были близки къ такому заключенію.

— А вѣдь вы, господа, совершенно неправы; я самый настоящій докторъ медицины и притомъ окончилъ съ золотой медалью. Ваши опасенія какъ видите были неосновательны. Съ аптечкой я не разстаюсь потому, что многимъ бѣднымъ моимъ паціентамъ нѣтъ времени бѣгать въ сосѣдній городокъ Кюси за лекарствами, а костюмъ этотъ, —

одежда всѣхъ жителей этой мѣстности и я не вижу надобности отъ нихъ отличаться, къ тому же это хорошее сукно мѣстнаго издѣлія очень прочно и болѣе отвѣчаетъ моему скромному бюджету, чѣмъ модное трико.

— Но почему же, докторъ, вы остаетесь здѣсь, въ глуши, когда, очевидно съ вашими познаніями вы могли бы добиться несравненно лучшихъ матеріальныхъ условій?—недоумѣвающе воскликнулъ Пролинъ.

— Меня удивляетъ вашъ вопросъ, милѣйшій господинъ! Вы спрашиваете почему я здѣсь? Да потому, что здѣсь мое мѣсто! Потому что мой отецъ уроженецъ этой общины и провелъ всю свою жизнь здѣсь такимъ же сельскимъ врачемъ, какъ и я теперь, лечилъ отцовъ и матерей моихъ паціентовъ и я безконечно счастливъ, что мнѣ удалось наслѣдовать его дѣло. Надѣюсь, мой старшій сынъ тоже займетъ здѣсь мое мѣсто.

— О я искренно сочувствую вашимъ прекраснымъ взглядамъ. Не слѣдуетъ убѣгать конечно, отъ своихъ прямыхъ обязанностей,—горячо воскликнулъ я. Но вы обрекли себя добровольно на жизнь въ глуши, безъ интеллигентнаго общества, безъ удобствъ и удовольствій, которыя даетъ жизнь въ большихъ городахъ, закрыли себѣ, наконецъ, путь можетъ быть къ блестящей карьерѣ, къ славѣ и средствамъ. Это ужъ прямо подвигъ!

— Вы очень ошибаетесь, мой милѣйшій молодой человѣкъ! Отвѣчалъ добродушно улыбаясь докторъ. Совершенно не согласенъ съ вашей оцѣнкой моихъ поступковъ. По моему, я ничего себя не лишалъ, напротивъ я владѣю здѣсь именно тѣми благами, которыя особенно долженъ цѣнить всякій истинно развитой человѣкъ!

Прежде всего я наслѣдовалъ здѣсь послѣ моего

отца, по моему,—значительное богатство. Не деньги, не земельную собственность, нѣтъ! Кромѣ маленькаго, домика въ окрестностяхъ этого мѣстечка у отца ничего не осталось. Но я наслѣдовалъ довѣріе, уваженіе и любовь его паціентовъ, и благодаря этому, съ первыхъ же шаговъ моей практики, оказался среди людей мнѣ близкихъ по сердцу, съ которыми я живу съ тѣхъ поръ какъ бы одною жизнью и чувствую себя связаннымъ съ этой общиной, такъ сказать,— органически. Это даетъ ту полноту жизни, то сознаніе силы, которыхъ жители города, незнакомые съ интересами даже своихъ ближайшихъ сосѣдей, большею частью совсѣмъ не знаютъ. Они живутъ среди многотысячнаго или милліоннаго населенія, вѣчно вращаясь въ толпѣ, а, въ сущности, ведутъ жизнь затворниковъ, задыхающихся въ скорлупѣ собственнаго эгоизма и я, конечно, имъ не завидую. Что меня касается, я не лишенъ ни научнаго общенія съ остальнымъ міромъ, ни общества. Я выписываю журналы, книги, самъ пишу, а мои досуги, которыхъ у меня, впрочемъ, мало, провожу съ моими друзьями: священникомъ этого прихода, прекрасно образованнымъ человѣкомъ и музыкантомъ, съ семьей моего тестя, нотаріуса въ Кюси и другими весьма почтенными и образованными людьми.

— Но при вашемъ идеальномъ взглядѣ на обязанности медика и щепетильности по отношенію къ гонорару, вы должны быть, дорогой докторъ, очень стѣснены въ средствахъ!—перевелъ Пролинъ разговоръ на практическую почву.

— Да, съ точки зрѣнія городскихъ заработковъ и въ особенности заработковъ людей моей профессіи, пожалуй — вы правы. Докторъ задумался, какъ бы что то соображая.

— Да, я получаю не болѣе 2000 франковъ въ

годъ. Вамъ это, конечно, кажется очень мизернымъ, но я, я нахожу это вполнѣ достаточнымъ при томъ образѣ жизни, который я веду; моя жена держится моихъ взглядовъ, а дѣти, надѣюсь, рано станутъ на собственныя ноги и у меня всегда останется достаточно на книги и журналы.

— Нѣтъ, что вы ни говорите, я не могу понять такого самоотреченія,—продолжалъ недоумѣвать Пролинъ. Какъ хотите, каждый прежде всего ищетъ своего личнаго счастія, каждый въ правѣ пользоваться радостями жизни. Не отрицаю возможности съ увлеченіемъ работать для родины, для ближнихъ, если хотите, но нельзя-же для этого съ юныхъ лѣтъ отказаться отъ мечты о жизненномъ успѣхѣ и болѣе широкой дѣятельности...

— Ахъ, милѣйшій господинъ,—заволновался докторъ, вы опять говорите объ отказѣ отъ разныхъ благъ! Я вижу, мы продолжаемъ не понимать другъ друга. Я уже сказалъ, что я не признаю этой точки зрѣнія. Я повторяю, что истинное пониманіе человѣческаго блага приводитъ къ предпочтенію прежде всего главнѣйшаго: пользованія полнотою самой жизни. Такая полнота возможна только при органической связи съ людьми, среди которыхъ мы живемъ и дѣйствуемъ. Связь эта достижима только тогда, когда она основана на взаимномъ пониманіи другъ друга, на взаимномъ уваженіи и любви. Я считаю поэтому, — говорилъ онъ далѣе, возвышая понемногу голосъ и дѣлая энергическіе жесты рукой—за величайшее благо связь мою съ жителями этой общины, связь съ окружающей родной мнѣ природой, съ этимъ старымъ замкомъ, этимъ озеромъ, лѣсомъ вдали и этимъ клочкомъ голубого неба, подъ которымъ я родился. Я считаю за благо тотъ глубокій нравственный покой, который я испытываю, оставаясь въ сторонѣ отъ конкурренціи

съ моими коллегами столицы и большихъ городовъ, въ сторонѣ отъ всѣхъ мелочныхъ страданій самолюбія, тщеславія, жажды роскоши, наградъ и тому подобныхъ прелестей. Я считаю за благо то законное уваженіе, которымъ я здѣсь пользуюсь и то самоуваженіе, которое могу сохранить къ себѣ. Наконецъ, я считаю за благо ту свободу, которая позволяетъ мнѣ устраивать мою жизнь и жизнь моей семьи по моимъ личнымъ идеаламъ, не считаясь съ тѣмъ, что скажутъ мои собратья или свѣтъ. Я отказался, господа, какъ видите, только отъ того, что считаю или вполнѣ ничтожнымъ или глубоко безнравственнымъ... Извините, я кажется заболтался. Мы, французы, любимъ, какъ видите, при случаѣ высказать свои взгляды.

— Ахъ, напротивъ, я крайне счастливъ, что случай доставилъ мнѣ удовольствіе встрѣтиться съ вами и выслушать эти глубоко симпатичныя идеи—запротестовалъ я. Дай Богъ, чтобы вездѣ было болѣе людей вашихъ понятій... Меня, сознаюсь, вы застали врасплохъ... Какъ человѣкъ очень молодой, — и потому не имѣющій личнаго опыта, я мои права на жизнь представлялъ себѣ иначе. Но теперь, въ эту минуту я вамъ глубоко сочувствую, меня влечетъ къ себѣ вашъ самоотверженный примѣръ служенія народу и я хотѣлъ бы подражать вамъ не знаю только, хватитъ-ли у меня силъ и мужества, чтобы построить жизнь въ разрѣзъ съ господствующими понятіями моего круга. Я обладаю, докторъ, приличнымъ состояніемъ, родные занимаютъ видное положеніе въ моемъ отечествѣ и все тянетъ, видите ли, меня къ центру, къ власти и положенію.

— Большія средства и связи это сила, — возразилъ докторъ,—и она создаетъ, мнѣ кажется, лишь только большія обязанности. Но, по моему, чтобы принести пользу родинѣ и обществу, прежде всего

не слѣдуетъ порывать связи съ землей родного гнѣзда. Слѣдуетъ помнить, что каждый изъ насъ, какъ легендарный Антей, черпаетъ силу отъ земли, отъ органической связи съ народомъ и здѣсь у корней, такъ сказать жизни, всего болѣе нужны работники. Однако, я такъ увлекся разговоромъ, что самъ забылъ мои прямыя обязанности. Меня ждутъ. Жалѣю, что наше знакомство было такъ кратко.—И докторъ подалъ путешественникамъ свою визитную карточку, предлагая обмѣняться. На карточкѣ доктора стояло:

„Люи Муано, докторъ медицины"

Докторъ горячо пожалъ молодымъ людямъ руки и они разстались.

— Добраго пути и всего лучшаго—крикнулъ онъ мнѣ съ улицы, когда я, стоя у окна, дѣлалъ рукою ему послѣдній знакъ привѣтствія.

— Прекрасный, рѣдкій человѣкъ этотъ милый Муано! Вотъ истинный представитель многовѣковой культуры, создавшейся на идеяхъ величайшихъ мыслителей... Я задумался и спустя нѣкоторое время произнесъ, обращаясь къ Пролину. Да, настоящее мое мѣсто, я знаю, въ Раздольномъ!

— Помилуй, ты увлекаешься горячо возразилъ Пролинъ.—Идеи доктора Муано, безспорно, очень симпатичны, но это правила жизни добраго буржуа, мы же съ тобой люди другого класса и наши задачи совершенно иныя. Этого забывать не слѣдуетъ! Служить добру—можно вездѣ, поступать честно и сохранять къ себѣ уваженіе—тоже. Все это прекрасно, но бросать тѣ условія жизни, къ которымъ насъ подготовило воспитаніе и среда, было бы, по моему, преступленіемъ. Мы обязаны прежде всего воспользоваться средствами полученными отъ судьбы, завоевать себѣ широкое поле дѣятельности и тогда... тогда послужить нашими силами на пользу государству.

— Но, послушай, однако, Павелъ,—пробовалъ я его остановить, — ты не въ мѣру практиченъ...

— Помилуй,—продолжалъ горячо Пролинъ, когда всѣ наши товарищи, не пропуская минуты, будутъ гнаться за чинами и наградами, будутъ устраиваться и двигаться по службѣ и завоевывать себѣ положенія, мы, по твоему, должны сидѣть въ своихъ старыхъ гнѣздахъ и отказываться отъ того, что намъ, такъ сказать, предназначено, это просто будетъ смѣшно, это прямо невозможно...

— Ну знаешь, и картина скачки за чинами и положеніемъ нашихъ товарищей меня тоже мало увлекаетъ... Мы сегодня съ тобой, кажется, не столкуемся, меня положительно тянетъ въ Раздольное...

— Что за фантазія! Ты забываешь, что всѣ твои привычки, весь обычный складъ твоей жизни требуютъ города и всего, что можетъ дать только столица... Ну, да и я тоже хорошъ! горячусь и не подумаю, что мнѣ надо отдохнуть и успокоиться; очевидно, маленькая операція доктора Муано подняла мнѣ немного нервы... Но если милый докторъ угадалъ вѣрно, то завтра мы двинемся въ путь и дня черезъ четыре будемъ дома, а тамъ ты и самъ, надѣюсь, заговоришь другое.

На утро Пролинъ, уже гулялъ, не ощущая боли въ ногѣ и было рѣшено вечеромъ ѣхать на поѣздъ.

Было воскресенье, на улицахъ замѣтно было нѣкоторое оживленіе и мы предприняли послѣ завтрака послѣднюю прогулку въ окрестностяхъ замка П. — Мы пошли по направленію къ Кюси. Скоро вышли мы за городъ; по сторонамъ шоссе виднѣлись поля, окруженныя фруктовыми деревьями, разбросанные изрѣдка домики земледѣльцевъ, обвитые виноградомъ, а въ сторонѣ блистала и извивалась рѣчка.

Откуда-то до насъ доносились мелодическіе звуки

музыки. По мѣрѣ того какъ мы подвигались, звуки становились слышнѣе и слышнѣе и скоро мы стали различать цѣлые музыкальныя фразы. Двигаясь по этому направленію, мы скоро очутились передъ небогатымъ бѣлымъ домикомъ съ тремя, выходящими на веранду, окнами.

Чарующіе звуки віолончели, скрипки и рояля неслись оттуда... Мы остановились и стали прислушиваться. Вотъ прозвучалъ послѣдній аккордъ, кто то всталъ и подошелъ къ окну.

— Ба, мои милые молодые люди! воскликнулъ докторъ Муано.—Это былъ его домъ.—Какъ я радъ еще разъ васъ увидѣть. Заходите, заходите, я не занятъ и радъ васъ познакомить съ моими друзьями и семьей!

Домикъ доктора меблированъ болѣе чѣмъ просто, но за то для жены стоялъ дорогой рояль, а у самого доктора имѣлась прекрасная скрипка и обширная библіотека, собранная его отцомъ и отчасти самимъ докторомъ. Выборъ книгъ свидѣтельствовалъ, что, какъ отецъ, такъ и сынъ слѣдили не за одной только медициной и на полкахъ красовался цѣлый рядъ мыслителей всѣхъ временъ и художниковъ слова.

— Вотъ мои друзья,—сказалъ докторъ Муано, знакомя молодыхъ людей съ почтеннымъ священникомъ и нотаріусомъ и широкимъ жестомъ руки указывая на книги.—Какъ видите, мои молодые друзья, я далеко не такъ одинокъ, какъ вы думали.

— Но здѣсь намъ будетъ душно. Не выйти ли на воздухъ? Моя жена уже приготовила тамъ вѣроятно добрую бутылку вина и немного фруктовъ изъ нашего сада. Пойдемте; подъ платанами намъ будетъ свободнѣе.

— На дворѣ насъ встрѣтила хозяйка, привле-

кательная молодая брюнетка, въ простенькомъ со вкусомъ сшитомъ платьѣ, съ прической изъ натурально вьющихся тонкихъ волосъ, и привѣтливо намъ улыбнулась. Два очаровательныхъ мальчугана присоединились къ обществу и дѣлили свое вниманіе между отцомъ и священникомъ, видимо ихъ другомъ.

— Вотъ наше воскресное времяпровожденіе. Безъ какой либо особой во мнѣ надобности, я въ этотъ день отдыхаю, а мои друзья часто дѣлятъ со мной мои досуги. Мы сегодня много уже музицировали. Ничто такъ не объединяетъ людей,—какъ музыка. Знаете въ нашихъ квартетахъ мы какъ будто живемъ одною общею жизнью...

— А когда же вы оставляете нашъ городокъ? спросилъ онъ насъ.

— Мы ѣдемъ сегодня и очень рады, что намъ удалось еще разъ проститься съ вами,—заговорилъ я.—Вы, докторъ, вы пробудили во мнѣ, давно дремавшія гдѣ-то глубоко, мысли, чувства и наклонности. Во мнѣ воскресли, кажется, впечатлѣнія моего ранняго дѣтства, дорогія черты характера моего покойнаго отца, который былъ очень любимъ народомъ. Я сохраню, докторъ, о встрѣчѣ съ вами, повѣрьте, самое теплое, самое благодарное воспоминаніе.

— О! я очень тронутъ вашими милыми словами, отвѣчалъ докторъ.—Вотъ видите,—продолжалъ онъ, привлекая одной рукой къ себѣ жену, а другую кладя на голову одного изъ мальчугановъ,—я уже не такъ заслуживаю сожалѣній.. А тамъ, смотрите,— говорилъ онъ далѣе, указывая на долину, тамъ въ каждомъ домикѣ этого округа у меня есть друзья, есть дорогіе мнѣ люди. Всюду являюсь я не съ праздными разговорами, а несу помощь и встрѣчаю довѣріе и благодарность.

— Ну, прощайте, — говорилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, когда мы стали откланиваться — желаю вамъ окончательно убѣдиться, что докторъ Муано въ жизни выбралъ вѣрный путь.

На утро поѣздъ уже несъ насъ по направленію къ родинѣ...

А. А—въ.

Хроника братской жизни.

Почти 19 вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ послалъ учениковъ своихъ на проповѣдь Евангелія жизни. Ученики его были люди простые, неученые, незнакомые съ мудростью эллинской, но несли они въ міръ великое слово—слово любви и радостную вѣсть о воскресеніи во плоти Сына Человѣческаго. Жизнью своей и мученической смертью они подтверждали свои вѣрованія и это слово любви, — и языческій міръ со всѣмъ своимъ могуществомъ и всей своей мудростью не устоялъ передъ этимъ словомъ. Проповѣдь любви и вѣсть о воскресеніи внесли они въ міръ жестокій, себялюбивый, не признававшій другой жизни кромѣ жизни вѣка сего, въ міръ развращенный и разрозненный. Объединеніе человѣческихъ группъ достигалось въ немъ лишь путемъ насилія и меча и только въ рѣдкихъ случаяхъ сознаніемъ самодовлѣющей государственности.

Но, очевидно, въ сердцахъ людей ветхаго міра все же, какъ зародышъ жизни въ сухомъ зернѣ, гдѣ то глубоко коренилась потребность въ великомъ началѣ жизни — въ единеніи на началахъ любви и братства. И вотъ искренняя проповѣдь этихъ началъ, и вѣсть о воскресенія, о жизни будущаго вѣка влила животворную силу въ языческій міръ, оросила скрытые зародыши братской жизни и стала постепенно преображать старую одряхлѣвшую жизнь— въ новую. Вездѣ, гдѣ падали и воспринимались слова апостоловъ, возникали свѣтлые очаги такой жизни

въ видѣ церковныхъ христіанскихъ общинъ, т. е. союзовъ, вѣрующихъ въ Воскресшаго, объединенныхъ братскою любовью. И жизнь этихъ общинъ несмотря на жестокія гоненія, несмотря на жертвы, уносимыя изъ ихъ среды преслѣдователями, съ первыхъ же дней проявила признаки тихой, мирной радости, незнакомой язычеству, ту силу, которая должна была впослѣдствіи побѣдить языческій міръ и разнести слово любви во всѣ концы вселенной.

Таково было начало христіанской эры; таковы были первые шаги новой христіанской культуры. Въ разные періоды послѣдующей жизни человѣчества сила братолюбія то разгоралась, то ослабѣвала, заглушаемая стремленіями своекорыстія и себялюбія и рядомъ съ этимъ неизмѣнно то разгоралась, то падала и мирная радость въ сердцахъ людей.

Въ послѣдніе годы жизнь людская вообще и нашего русскаго общества въ особенности стала мрачна и безрадостна; всѣхъ охватила тоска по чему-то утерянному, появилась всеобщая неудовлетворенность существующимъ, и вотъ, въ минуты наивысшаго отчаянія, пробудилось и стало настойчиво проявлять себя сознаніе недостатка въ братскомъ единеніи, въ этой великой животворящей силѣ, и дало толчокъ новому движенію, съ которымъ мы и намѣрены постепенно знакомить нашихъ читателей.

Въ большихъ центрахъ—въ городахъ стали возникать новыя общества, ставящія своей задачей возрожденіе христіанской жизни на ея исконныхъ началахъ, во многихъ сельскихъ мѣстностяхъ стали создаваться: трудовыя братства, экономическіе союзы и просвѣтительные кружки, тоже основанные на началахъ христіанскаго единенія; стала загораться активною силой жизнь многихъ православныхъ приходовъ. Это новое движеніе, однако, проявляется

крайне скромно, безъ шума и мало замѣтно; существующіе и вновь возникающіе очаги христіанской братской жизни тонутъ среди общаго настроенія и общаго полу-языческаго уклада окружающей жизни. Между тѣмъ многіе, ранѣе равнодушные къ дѣлу добра, люди съ особымъ вниманіемъ всматриваются теперь въ жизнь, искренно желаютъ познакомиться съ зародившимся новымъ движеніемъ, а равно и ищутъ живыхъ примѣровъ, свѣтлыхъ, великодушныхъ людей, сохранившихъ образъ и подобіе Божіе.

Приступая къ веденію настоящей хроники братской жизни мы ставимъ нашей задачей отвѣтить на эту потребность. Мы не можемъ, однако, обѣщать дать сразу сколько нибудь полный обзоръ всего, что дѣлается въ этомъ направленіи въ нашей родинѣ и заграницей; наши силы намъ этого пока не позволяютъ; мы будемъ лишь давать свѣдѣнія о братской жизни, гдѣ-бы она ни возникала, по мѣрѣ успѣшности нашихъ поисковъ и въ томъ порядкѣ, какъ они намъ будутъ доставляться.

Размѣры настоящей книжки не дозволяютъ использовать немедленно матеріалъ уже имѣющійся у редакціи сборника. Въ слѣдующемъ же выпускѣ мы дадимъ свѣдѣнія объ организаціяхъ особенно намъ близкихъ по задачамъ и направленію. Таковы: „Общество изученія Христіанской Старины“, „Союзъ братской помощи“, Братство Преображеній, Симеоніевское христіанское братство и нѣкоторые другіе очаги братской жизни, недавно возникшіе въ Петербургѣ, а за тѣмъ постепенно будемъ знакомиться съ зачатками, жизнью и ростомъ такихъ же организацій во всѣхъ концахъ нашей родины.

Мы надѣемся, въ этомъ дѣлѣ намъ помогутъ и наши читатели, сообщая о проявленіяхъ братской жизни въ сферѣ ихъ зрѣнія.

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.